

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

КРОВНИК
СМОТРЯЩЕГО

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов
Кровник смотрящего
Серия «Воровской
криминальный роман», книга 8

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166032
Кровник смотрящего: Эксмо; М.: 2007
ISBN 5-699-16884-2

Аннотация

Сержант – киллер-одиночка. Его очередной заказ – смотрящий по России Варяг. Трудная цель даже для такого стрелка-виртуоза, расчетливого, точного и холодного, как его винтовка. Кроме того, что Варяга надежно охраняют, он и сам умеет играть на опережение. Для него снайпер-убийца всего лишь проблема, которую надо решить. Их с Сержантом игра набирает обороты, когда в нее вступает майор Чертанов, рискованный мент, у которого свои расклады. Он хорошо знает обоих, знает, на что идет, но он раскрутит игру по-своему...

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	43
Глава 4	63
Глава 5	74
Глава 6	93
Глава 7	107
Глава 8	119
Глава 9	136
Глава 10	148
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Евгений Сухов

Кровник смотрящего

ЧАСТЬ 1

ШКОЛА СНАЙПЕРОВ

Глава 1

ГДЕ ЧАЛИЛСЯ?

Вытащив блокнот, Варяг с минуту рисовал на листочке бумаги какие-то значки. Так он делал всегда, когда хотел сосредоточиться. Потом неожиданно перечеркал записи несколькими нервными движениями и, смяв бумагу в плотный комочек, швырнул в воду. Посмотрев на застывшего Тарантула, спросил:

– Ты уверен?

Обычно таких вопросов Варяг не задавал. Законный прекрасно знал, что его начальник службы безопасности перепроверяет информацию из нескольких источников и всегда избегает скоропалительных выводов. А уж в таком вопросе, как предательство, он должен быть предельно осторожным.

Тарантул проследил за тем, как бумага, намокая, медлен-

но стала погружаться на дно реки. Ему следовало бы, конечно, обидеться, слегка нахмуриться, как бы показывая свое неудовольствие. Ведь, в конце концов, он не бессловесный узколобый бычара, а человек, который имеет немалые заслуги. Но Константин поступил по-иному, губы его дрогнули в понимающей полуулыбке, и он сказал:

– Как никогда. Сосо Маленький – крыса! Деньги из общака он прокручивал через банки, а процент забирал себе.

– Как ты узнал об этом?

– Совершенно случайно, от своих людей, когда они вели Макарова...

– Это который заместитель министра финансов?

– Да. Он у нас уже давно на примете... В правительстве Макаров отвечает за финансовые потоки, идущие из России в Западную Европу. Эти деньги поступают в банки, которые курирует Макаров. Сосо Маленький вышел на него с предложением прокручивать общак в его банках, предложив за услугу очень неплохой процент. Тот согласился.

– Информацию перепроверили?

Тарантул кивнул:

– Самым тщательным образом. Все сходится! А потом, когда состоялся их первый контакт, то на квартире у любовницы Макарова мы установили радиозакладку. Когда Макарова не было, к ней пришел Сосо и все рассказал. Если хочешь, можно прослушать запись.

– Не надо.

Сегодня у Варяга выдался свободный день, и он с удовольствием махнул на рыбалку – посидеть у воды, расслабиться, в спокойной обстановке обговорить назревшие проблемы. Их скопилось немало...

Владиславу было известно, что Макаров каждый четверг остается на ночь у своей любовницы, живущей недалеко от Кутузовского проспекта. В общем, живет на две семьи. Об этой его тайной квартире знали только самые доверенные. Там располагался его теневой кабинет. Сюда заглядывали директора банков, представители крупных компаний. Все те, кто хотел заручиться его поддержкой. От каждой проведенной сделки он имел два-три процента, позволявшие ему с оптимизмом смотреть в будущее. И если бы сейчас он получил отставку, то можно не сомневаться – смерть от голода ему не грозит. В нескольких весьма солидных зарубежных банках у него имелись весьма приличные счета, которые беспрестанно пополнялись.

Полгода назад Тарантул заложил в квартире у Кутузовского проспекта «жучки» и скрытую видеокамеру и знал практически обо всех переговорах, что происходили в квартире любовницы Макарова. Раз в неделю информацию эту снимал охранник Макарова, в обязанности которого входило охранять квартиру и отваживать от дома возможных поклонников его содержанки. Однако пикантность ситуации заключалась в том, что в роли обольстителя выступал как раз он сам.

Завербовать его Тарантулу не стоило труда. И теперь в его распоряжении было несколько кассет с постельными сценами.

За прошедшие полгода Константин сумел хорошо изучить Макарова, и материала на шантаж хватало с головой. Но интуиция подсказывала Константину, что снимать закладки рано. И когда Сосо Маленький объявился в квартире любовницы Макарова, то он понял, что не ошибался.

Известно, что идеальных людей не существует. Что любой человек обладает тем или иным набором недостатков. Но всегда хочется, чтобы люди, которые рядом, оставались тебе преданными в благодарность за то добро, которое ты для них сделал. Ведь ты затрачиваешь усилия, чтобы протолкнуть их наверх. Но жизнь вносит свои коррективы, порой не самые приятные, и часто правда заключается в том, что чем выше люди поднимаются, тем меньше надо ждать признательности от них. Рано или поздно в них просыпается гипертрофированное чувство собственной значимости, которое поражает все то лучшее, из-за чего ты продвигал их прежде.

Нечто подобное произошло и с Сосо Маленьким. Было время, когда он входил в пристяжь Варяга и искренне полагал, что лучшей доли ему не сыскать. Но стоило вору заполучить мало-мальский авторитет в уголовном мире, как он тут же стал с недовольством высказываться о своем прежнем покровителе.

Как все-таки коротка человеческая память!

– Где сейчас Сосо?

– Скорее всего, он уже где-то далеко. Видно, он что-то почувствовал, потому что когда мы пришли за ним, то его уже не было.

– А может, он уже давно готовил себе пути отхода и при первой же опасности поспешил уйти?

– Возможно.

Всего лишь на какое-то мгновение на лице законного во-ра появилась явная враждебность, а руки сжались в кулаки. Тарантул, натолкнувшись на пристальный взгляд Владислава, невольно поежился, будто бы сам являлся источником неприятностей.

– Выяснили, как давно Сосо работает на Макарова?

– Уже второй год. У Макарова он числится, так сказать, человеком по отдельным щекотливым поручениям. Помнишь, три месяца назад в автокатастрофе погиб начальник одного из отделов Счетной палаты?

– Помню.

– Это дело рук Сосо. Этот начальник имел серьезный компромат на Макарова.

Варяг помолчал, прищурился на посверкивающую под солнцем воду.

– В чем он заключался?

– Макаров отвечал за поставку из Германии оборудования для Челябинского металлургического завода. Но, как

впоследствии оказалось, это был какой-то списанный хлам. Немцы должны были выбросить станки на свалку, но продали их в Россию, правда, задарма. Однако по российским документам станки проходили как новейшее оборудование с самыми передовыми технологиями. Разумеется, разницу Макаров положил к себе в карман. Есть информация, что начальник отдела Счетной палаты решил его шантажировать. Требовал какую-то крупную сумму. За что и поплатился... Мы тут подъезжали к его вдове, интересовались, в чем дело. Жена рассказала, что муж в свой последний день вышел на работу очень довольный, сказал, что отныне все их финансовые вопросы будут решены. Но домой не вернулся ни в этот день, ни на следующий. Его нашли мертвым через неделю в разбитой машине, где-то на глухой проселочной дороге за городом. В крови обнаружилась изрядная доля алкоголя. Хотя он совсем не пил. Однако дело было закрыто из-за отсутствия состава преступления... Макаров очень сильный враг.

– Догадываюсь.

– Теперь на очереди у него ты, Владислав.

Варяг невольно хмыкнул:

– Придется пободаться. Чем же я ему так не угодил?

– Он знает, что компромат, который он пытался забрать у человека из Счетной палаты, находится у нас. Здесь интересы Макарова и Сосо сходятся. Сосо Маленький понимает, если он не устранил тебя, то уроют его самого! И причем в

ближайшее время. Может, дать ход компромату?

Смотрящий отрицательно покачал головой:

– Не надо. Там фигурирует очень много имен. Это наши люди, засвечивать их мы не имеем права. Мне непонятно, как Макаров и Сосо нашли друг друга?

Тарантул негромко рассмеялся:

– Макаров познакомился с Сосо Маленьким через их общую любовницу! А общие женщины, как известно, способствуют доверительным отношениям. Одно время она работала крупье в крупном московском казино. Приобрела влиятельных покровителей. Сосо Маленький и Макаров были одними из них. Сначала она была любовницей Сосо, потом переключилась на Макарова. А у того от своей любовницы не было никаких секретов. Когда у Макарова вдруг возникли серьезные сложности по службе, то она вспомнила о своем прежнем дружке.

– Интересная получается связь.

– Мне тоже так показалось. Кстати, между Сосо Маленьким и его бывшей любовницей состоялся любопытный разговор. Он пытался уговорить ее оставить Макарова и вернуться к нему.

– Значит, у них все-таки было чувство?

– Скорее всего.

Варяг любил небольшие провинциальные города. В Первопрестольной всегда существовал риск натолкнуться на неприятность, которая могла выскочить из любой подворот-

ни. А в таких вот полусонных городках, где жизнь можно распланировать едва ли не на месяц вперед, удавалось почувствовать себя совершенно свободным.

Именно таким городом для Варяга всегда была Коломна. Уютный городок, расположенный в каких-то ста километрах от Москвы. Нельзя сказать, чтобы Владислав был завзятым рыбаком, но сейчас, сидя на травянистом берегу Коломенки, чувствовалось, что он испытывает необыкновенное удовольствие. А выуженным серебряным плотвичкам он радовался с настоящим мальчишеским энтузиазмом. Константину подумалось о том, что он давно не видел смотрящего в таком приподнятом настроении, и только упоминание о Сосо сделало его прежним – серьезным и сосредоточенным, мгновенно увеличив между ними дистанцию.

С минуту Владислав созерцал течение реки, углубившись в какие-то свои думы, после чего сказал твердым голосом:

– Что обещал Макаров Сосо Маленькому... так сказать, за любезность?

Тарантул вновь стал свидетелем стремительного перевоплощения. От прежнего восторженного мальчишки не осталось и следа. Перед ним был хищник, изготовившийся к прыжку, – собранный, расчетливый, очень опасный.

– Обещал отдать ему под «крышу» крупный металлургический завод на Среднем Урале, – усмехнулся Константин.

– Немало, – сдержанно заметил Владислав.

– Да. По существу, тот будет полноправным его владель-

цем. Макаровым и Сосо уже разработан план, как поменять там совет директоров.

– Какова будет его прибыль?

Тарантул задумался:

– Не менее ста миллионов в год!

– Видишь, как дорого я стою! – радостно воскликнул Варяг, улыбнувшись.

И вновь он напоминал озорного мальчишку, необыкновенно довольного удачной рыбалкой.

Подростки, сидевшие неподалеку, с удивлением посмотрели на двух мужчин с удочками в руках. По тому, с каким изяществом дядьки подсекали рыбу, было понятно, что рыбалка дело для них привычное. Не совсем понятен был только их восторг от каждой пойманной рыбы. В какой-то степени поведение Владислава было откровением и для самого Тарантула. Каждый пойманный пескарь вызывал у него нешуточную бурю ликования. Тарантул с улыбкой припомнил случай, когда Варяг в Монте-Карло снял банк почти в миллион долларов. Тогда на его лице не было и сотой доли удовольствия, которое он получил от сегодняшней рыбалки. Да и выигрыш он сгребал с таким спокойствием, как если бы то были обычные речные камушки.

Тарантул хмыкнул, вспомнив, как сегодня утром какой-то серьезный старикан с перстнями-наколками беззлобно обругал Варяга, когда тот случайно зацепил его пакет с рыбой. Варяг, обезоруживающе улыбнувшись, извинился перед ворч-

ливым дедом. Когда же Владислав снял рубашку, выставив на обозрение наколку вора в законе – ангелов с распростертыми крыльями, – старый уркаган, в досаде крякнув в кулак, отложил в сторонку удилице и с покаянным видом подошел к коронованному.

– Извини, если что не так...

– Все в порядке, батя, – улыбнулся смотрящий, похлопав его по плечу.

Старик среди рыбаков имел немалый вес и, заметив, как расшалилась ребятня, грозно цыкнул. Молодняк тотчас приосмирел и понуро уставился на застывшие поплавки. Старик, посмотрев на Варяга, растянул губы в извиняющейся улыбке. Дескать, шантрапа, сплошная безотцовщина, что же с нее возьмешь!

Почаще следует выбираться на природу!

– Может, стоит заручиться поддержкой Павлова?

– Против него в администрации президента серьезно копают. На его место хотят поставить своего человека, и наиболее вероятной кандидатурой будет...

– Макаров?

– Он самый, – подтвердил Константин. – Павлову уже дважды прозрачно намекнули на то, чтобы он подал в отставку, но Виктор Аркадьевич не сдастся. Не та фигура, чтобы так сразу пасовать!

– Вице-премьер сам рассказал тебе о разговоре?

– Да. Если Павлов и дальше будет отказываться, то его могут просто убрать. Очень многих раздражает его влияние на президента.

Виктор Аркадьевич Павлов занимал в правительстве должность вице-преьера. Последние пять лет его отношения с Варягом были более чем приятельскими. Дважды, прихватив подруг, они вместе отдыхали в Новой Зеландии на одном из небольших частных островков. Нетрудно предположить, что стало бы с карьерой крупного чиновника, если бы хотя бы одна из фотографий их совместно проведенного отпуска сделалась достоянием общественности. Но Павлов всецело доверял Владиславу, зная, что Варяг находится под усиленной охраной и случайных людей к нему просто не подпускают. А люди в окружении смотрящего умели крепко держать язык за зубами.

Их дружеские отношения начались с того времени, когда у Павлова, тогда еще молодого, но преуспевающего бизнесмена, выкрали семнадцатилетнюю дочь прямо из колледжа, запросив за нее пять миллионов долларов. На раздумье Виктору Аркадьевичу дали двадцать четыре часа, по истечении которых обещали прислать ему посылку с кистями рук дочери.

Поразмыслив, Виктор Аркадьевич вышел на Варяга. Смотрящий внимательно выслушал взволнованную просьбу Павлова, дважды переговорил с кем-то по телефону и после

некоторого раздумья пообещал сделать все от него зависящее для вызволения дочери бизнесмена. Владислав предупредил Павлова, что ситуация не из простых, а потому следует готовиться к самым худшим вариантам. Виктор Аркадьевич мужественно выслушал слова смотрящего и лишь сдержанно кивнул в конце разговора.

Уже через сутки ему вернули дочь. Только через три года Павлов узнал, что подобная услуга обернулась для Варяга серьезными осложнениями с одной из влиятельных кавказских группировок, промышлявших киднепингом. В дальнейшем Варяг так и не нашел никакого компромисса в отношении этой группировки. На Владислава было совершено три покушения, одно из которых едва не стало для законного роковым.

Павлов не забывал людей, которые протягивали ему руку помощи, а потому вряд ли он сумел бы отказать Варягу в крохотной просьбе.

– К Павлову пока не обращайся. Может, они специально добиваются того, чтобы я пошел на контакт с ним. Это будет очень серьезный компромат против него. Сейчас такая хитрая аппаратура, что всего учесть невозможно!

– Хорошо. Для твоего устранения Макаров решил организовать две группы снайперов. Он финансировал все это. Со-со набрал нужных людей. Некоторые из них воевали в «горячих точках». Эти люди прошли очень серьезную подготовку у квалифицированных инструкторов. Первую группу нам

удалось вычислить и уничтожить. Однако Макаров с Сосо не успокаиваются и сейчас набирают вторую.

– Как вам удалось отыскать их? – удивился Варяг.

– Один из них похвастался в кабаке, что может с расстояния в километр попасть из обыкновенного карабина в спичечный коробок. Среди официантов был наш человек. Он прислушался к их разговору и понял, что речь идет о подготовке покушения на тебя. Через неделю мы вышли еще на троих.

– Понятно. Что за инструктора у них были?

– В основном «дикие гуси». Они нам неизвестны. Но все же один из инструкторов личность знакомая – Сержант! Степан Юрьев...

– Значит, все-таки он, – задумчиво кивнул Владислав. – Степан Юрьев, он же Сержант... Хотя чему тут удивляться? Это должно было когда-нибудь произойти. Он так и не простил мне смерти брата... Знаешь, остальные мне не страшны. Если кого-то и стоит опасаться, так только Сержанта! Разыщи его!

Тарантул понимающе кивнул:

– Уже ищем. Последний раз он останавливался в гостинице «Прибалтийская». – Помолчав, добавил: – Ушел оттуда за десять минут до появления наших людей.

– Ты кого-нибудь подозреваешь? – негромко спросил смотрящий.

Пожав плечами, Тарантул так же тихо ответил, четко вы-

говаривая каждое слово:

– Все люди проверенные. Уже не раз показали себя в деле. Скорее всего, у Сержанта очень сильно обострено восприятие опасности, куда выше, чем у самого осторожного зверя. Все-таки всю жизнь играет со смертью. Он уже не впервые уходит из-под самого нашего носа.

– Ладно, пойдем, – поднялся Владислав. – Не век же нам здесь куковать!

– А что с рыбкой-то делать? – улыбаясь, спросил Тарантул.

– С рыбой... Эй, дед, подойди сюда, – махнул рукой Владислав. – Дело есть.

Старик живо отложил в сторону удочку и заторопился к Варягу, смешно семеня ногами.

– Чего-то сказать хотел?

– Ты где чалился? – спросил Варяг, когда дед подошел поближе.

Старик широко заулыбался, сверкнув золотой фиксой:

– Бродяга я по жизни. Где только не пришлось! В Казани на «двойке» чалился, в Екатеринбурге был на пересылке, в Инте на зоне чалку надевал, под Воркутой парился...

– А сколько всего отпарился?

– Двадцать шесть годков наберется, – в голосе старика прозвучала скрытая гордость.

– Немало, – уважительно оценил Владислав.

– Повидал, – сдержанно согласился старик, как бы невзна-

чай выставив вперед левую кисть.

Владислав увидел на костяшках пальцев у старикана пять небольших крестиков. Следовательно, за его плечами пять ходок в зону. Боевой старик!

– Рыбу возьми, батя, – протянул законный старику ведро. – Мне она без надобности.

Старик благодарно улыбнулся:

– Спасибо... А как тебя звать-то?

– А тебе-то зачем?

Старик выглядел немного смущенным.

– Да наколку я твою приметил. Похвастаюсь, что с уважаемым человеком на одном бережку рыбу удил.

– Погоняло – Варяг. Слышал?

Старик недоверчиво посмотрел на законного.

– У меня все три сына через «чалкину деревню» протопали. И каждый о тебе рассказывал. Неужели тот самый?

Владислав улыбнулся:

– Другого Варяга я не знаю. Ну, будь здоров, старина... Да и удочку мою захвати. Она мне тоже теперь ни к чему. А сыновьям от меня привет передавай.

– Передам, – растерянно протянул старик.

Глава 2

СТРЕМНОЕ ДЕЛО

Тяжело грохнув, открылась дверь, и сухощавый человек с тощим сидором в руках уверенно перешагнул порог камеры.

– Приветствую, бродяги, – весело поздоровался он и, смело посмотрев в глубину хаты, задорно поинтересовался: – Кто за смотрящего?

Незнакомец держался свободно и уверенно. Можно было сделать вывод, что в хату забрел не мужичишка от сохи, мечтающий об амнистии, чтобы побыстрее вернуться на родимую завалинку, а человек, большую часть жизни прошедший на чалке, для которого кича – родной дом.

Сидельцы невольно заулыбались. От облика прибывшего веяло доброжелательностью и силой одновременно. Порядки знает, а потому учить его не придется. В расспросах такой человек не нуждается – расскажет все сам, как и положено. А если недавно с воли, так поделится новостями. Без них на киче тоска смертная.

Цепкий и слегка насмешливый взгляд новичка скользил по лицам сидельцев, пытаясь распознать в одном из них смотрящего хаты.

Глаза Беса и новичка встретились. Они и не могли не встретиться, слишком пытливым был взгляд новичка, слишком мала была площадь камеры. Можно было бы отвернуть-

ся, отмолчаться, сделать вид, что не услышал вопроса. Но вряд ли такое поведение спасло бы ситуацию. Скорее всего, наоборот, осложнило бы.

Михаил Чертанов – по кличке Бес – не однажды слышал о том, что у человека есть предел психологической выносливости. Вот только у каждого он разный. Если одному достаточно вклеить пощечину, чтобы сломать его, то с другим предстоит основательно повозиться, испробовав весь комплекс психологического подавления: от обыкновенного запугивания до применения изощренных пыток. Через какое-то время силу духа все-таки разъедает губительная ржа, а прежние твердые убеждения расшатываются и в конце концов падают. Обратный процесс практически невозможен, дальше – только падение.

Встретившись с вошедшим взглядом, Михаил вдруг понял, что сам он находится на пределе психологической выносливости. Еще небольшой нажим, и пружина внутри его лопнет и разорвет в клочья ту личину, которая на время сумела стать его вторым «я».

Последствия могут быть самыми неожиданными.

Чертанов нащупал в кармане небольшой кусок лезвия и понял, что первым умрет человек, перешагнувший порог хаты. Шок длился всего лишь пару минут – психологическая закалка дала о себе знать, именно стресс заставил его мобилизоваться и спокойно ответить:

– Проходи, браток, места для всех хватит. Я – смотрящий

хаты. Мое погоняло – Стрелок. – И, глянув на руки вошедшего, уточнил: – Блатной?

На лице новичка промелькнуло нечто похожее на замешательство. Внешне это почти никак не проявилось, лишь слегка округлились глаза, а поднятые брови обозначили на лбу глубокую морщинку.

– Блатной, – отозвался гость. – Погоняло – Святой... Звать Герасим.

Чертанов кивнул:

– Знатное погоняло. Где-то я о тебе слышал.

– Возможно. Мир тесен, – неопределенно ответил Святой. – Кажется, и я о тебе что-то слышал.

Чертанов слегка насупился:

– Через эту хату много бродяг прошло. Может, и слышал...

– Так где мне кости бросить?

Гость как будто проверял смотрящего на крепость, непрерывно буравил его откровенным и пристальным взглядом. На мгновение его губы слегка дрогнули, словно он хотел что-то добавить к своим словам, но неожиданно расслабленно улыбнулся. Чертанов поймал себя на том, что его пальцы вновь стиснули острое лезвие. Михаил даже не мог припомнить, в какой именно момент он сунул руку в карман.

– Вот это твой шконарь, – указал Чертанов на соседние нары. – Рядом со мной будешь. Еще вчера здесь бродяга один кости грел...

– И куда же он делся?

Спросил Святой безо всяких интонаций. Всего лишь соблюдение некоторых светских условностей.

Чертанов уверенно выдержал его острый взгляд и устало ответил:

– В больничке. Кровь горлом пошла... Неизвестно, когда вернется. И вернется ли вообще!

Получилось нечто вроде намека.

– Тогда конечно, – так же невесело вздохнул Святой, бросив свой тощий сидор на шконарь.

Чертанов старался не смотреть в его сторону, но чувствовал, как тот буквально точит его пристальным взглядом. Ему очень хотелось обернуться, чтобы узнать, чего же в этом взгляде больше – ненависти или откровенного любопытства. Но Михаил сдерживался.

Глупо полагать, что Святой забыл своего следака, который не раз допрашивал его три года назад. Тогда Святого – Герасим – припомнил Чертанов его имя – задержали в связи с ограблением ювелирного магазина. Святой оставил там свои «пальчики». Дело удалось довести до суда, где оно благополучно рассыпалось. И даже брошь, обнаруженная в квартире Герасима, не сыграла роль улики. Тут же нашлась парочка свидетелей, утверждавших, что эту покупку Герасим совершил за несколько дней до ограбления магазина.

Между следователем и обвиняемым, как это нередко бывает, установились почти приятельские отношения. Хотя,

если вдуматься, удивляться этому не стоило. Симпатия – чувство трудно объяснимое, и подчас она возникает там, где ее вроде бы и не должно быть. Возможно, именно поэтому бывший подследственный пока и не задал ему рокового вопроса: «А ты случайно не тот самый следак, что тянул из меня жилы три года назад?»

Объяснений было не избежать. Чертанов это знал. Он даже предполагал, когда именно произойдет разговор, – вечером, когда бродяги, намаившись за день, разбредутся по шконарям и заснут.

Чертанов лег на шконарь и закрыл глаза. И тотчас вспомнил разговор с полковником Гордеевым.

* * *

Всем было известно, что Александр Антонович Гордеев очень редко надевает форму. Он шутил, что видит форму один раз в несколько лет, когда нужно привернуть на погоны очередную звезду. Но даже без формы было заметно, что человек он служивый, а взгляд, которым чекист встречал каждого встречного, выдавал в нем человека, обремененного немалой властью. По хорошо поставленному голосу и по тому, с какой интонацией он говорил, чувствовалось, что свою власть он способен при случае применить незамедлительно.

В управлении Александр Антонович слыл классным специалистом по оперативным комбинациям, и там, где он по-

являлся, обычно намечалась нешуточная игра.

– Ты знаешь, почему выбор пал именно на тебя? – спросил полковник, хитро прищурившись.

– Наверное, меня рекомендовал полковник Крылов.

Александр Антонович улыбнулся:

– Верно. Тогда ответь, почему же он тебя рекомендовал?

Гордеев держался просто, без всякого официоза. На нем не было даже привычного галстука. Верхняя пуговица модной рубашки расстегнута. Да и говорил он по-приятельски, слегка растягивая слова. И на протяжении всего разговора вполне уместно вставлял в диалог коротенькие анекдоты. Однако капитан Чертанов, несмотря на доверчивый тон, чувствовал, что разговор у них идет серьезный и расслабляться нельзя ни на минуту.

– Может, потому, что у меня уже есть кое-какой опыт внедрения? – предположил Чертанов.

– Вот видишь, и с логикой у тебя все в порядке. Ты очень хорошо проявил себя в последний раз, когда тебя подсадили в «крытку» к домушнику. Если бы не твоя помощь, мы бы так и не сумели колонуть его. До сих пор не знаю, почему он так разоткровенничался с тобой. Мы ведь и до тебя подсаживали к нему «наседку», однако он ни перед кем не раскрылся.

Чертанов оставался серьезен:

– Видно, посчитал меня за своего.

Полковник кивнул:

– Согласен... В этот раз тебе придется немного легче.

Беседа происходила в кабинете Гордеева. Полковник устроился напротив Михаила за столиком, приставленным к его рабочему столу. Но легче от этого не становилось. Гордеев невольно подавлял его своим авторитетом.

– Знаешь, с чего начинается внедрение? – неожиданно спросил полковник.

– С хорошей легенды, – уверенно ответил Чертанов.

– Верно, – согласился Гордеев. – Легенда у тебя простая... Авторитета из себя не строй. Расколют в два счета! Авторитет всегда привлекает к себе внимание. Запомни, ты всего лишь рядовой баклан и на многое не претендуешь. Правда, ходил в «пристяжи» у очень уважаемых людей. Каких именно, я скажу тебе позже. – Задумавшись на секунду, он продолжил: – Нужно будет согласовать кое-какие детали. Но лунявым ты не будешь. Обещаю! Но и не быкуй понапрасну, таких тоже не любят.

– Понял, – кивнул Михаил.

– Кажется, ты занимался стрельбой?

Каким-то шестым чувством Чертанов вдруг осознал, что это и есть главный вопрос, из-за которого, собственно, и состоялась их беседа. Все будет зависеть от того, как он на него ответит.

– Да. Стеновой стрельбой.

Полковник расслабленно улыбнулся. Для полной картины не хватало вдоха облегчения. Михаил понял, что ответ удо-

влетворил его.

– Прекрасно! Твое погоняло будет Стрелок.

– Ого!

Полковник понимающе кивнул:

– На такое погоняло сразу обратят внимание. Если будут спрашивать, откуда оно у тебя, то не стесняйся и говори правду. Мол, у тебя серьезный разряд по стрельбе. В конце концов, это услышат те, для кого и предназначена твоя легенда. И вообще, если есть возможность говорить правду, то врать не рекомендуется. Любое необоснованное вранье подтачивает внутренние ресурсы, а силы тебе еще пригодятся. Сам понимаешь, тюрьма не сахар!

– Понимаю. Сколько мне придется находиться... там?

Полковник широко улыбнулся:

– Я тебе о серьезном, а ты опять о пустяках. Думаю, что где-то около года... Да ты не отчаивайся. Если все пойдет так, как мы планируем, то я буду хлопотать о досрочном освобождении.

Чертанов шутку оценил, но ответил серьезно:

– Досрочное освобождение не прокатит. Блатные могут устроить допрос с пристрастием, почему это вдруг мне выпала такая честь?

– А ты – молодец, сразу сориентировался, – похвалил его полковник Гордеев. – Задание очень серьезное, выполнишь его, лично буду хлопотать о присвоении досрочного звания. Ты у нас сейчас кто?

– Капитан.

– Когда майора должны дать?

– Года через два.

– Вот видишь... А могут дать и в этом году!

– Спасибо.

– Благодарить пока рано, а потом не за просто так, а за работу звездочку получишь. За эти полгода попробуем организовать для тебя кое-какой уголовный авторитет. Потом сделаем смотрящим хаты. Это в наших силах. Срок у тебя будет небольшой, сядешь за банальную хулиганку... Сейчас таких много... А теперь о самом главном, – полковник сделал паузу, как бы собираясь с мыслями, после чего продолжил, четко выговаривая каждое слово: – Нам известно, что Сосо Маленький, из грузинских воров, намеревается устранить Варяга. Они, а Сосо действует не один, но об этом позже, планируют ликвидировать и других ключевых воров, тех, кто держит сторону Варяга. По нашей оперативной информации, в Кремле у Варяга имеется очень серьезный союзник. Он тоже под ударом. Уничтожив «кремлевского союзника», они сумеют добраться и до смотрящего. Скажу так, в уголовном мире грядет большая революция. У тебя в школе какие отметки были по истории? – неожиданно спросил полковник.

– Пятерки, – улыбнулся Чертанов.

– Вот видишь, – уважительно протянул полковник Гордеев. – Пятерки! Это хорошо. Значит, ты должен знать, что любая революция – это в первую очередь большие потрясения.

А потрясения нам не нужны. Лично я всегда был сторонник эволюционных процессов. Что мы знаем о Варяге?

– Многое, – лаконично ответил Чертанов, припомнив свои встречи со смотрящим.

– Верно, многое. Во всяком случае, благодаря ему в воровской среде сейчас наблюдается определенная стабильность. Если Варяга не станет, воровское общество немедленно разобьется на множество группировок, которые только тем и будут заниматься, что начнут стрелять друг в друга. – На некоторое время Александр Антонович задумался. – Ты, конечно, можешь мне сказать, пускай себе стреляют! Меньше останется воров. Возможно, ты будешь прав... Но каждая из этих групп принесет нам дополнительные проблемы. Сейчас процессы в этой среде более-менее предсказуемы и даже как-то управляемы. А как же мы будем влиять на них, если они разобьются на множество групп? Ты понимаешь, к чему я клоню?

– Понимаю. Сосо Маленький должен привлечь меня в группу для устранения Варяга, – предположил Чертанов.

– Верно! По нашим оперативным данным, решено сколотить большую группу. Причем людей набирать будут исключительно из заключенных. В основном из блатных. Больше Сосо Маленький никому не доверяет.

– Среди них тоже имеются классные стрелки? – удивился Чертанов.

– А ты как думал? Сейчас, чтобы научиться как следу-

ет стрелять, имеются большие возможности, полигоны, тирры... Так что есть где шлифовать мастерство. Были бы только деньги! Оружие продают официально, и свою форму блатные привыкли поддерживать. Так вот, первая группа была создана еще полгода назад, но Варягу удалось засечь ее. Она исчезла!

– Сколько же в ней было народу?

– Восемь человек. Скорее всего, никого из них больше никогда не найдут. Накрыл эту группу его начальник охраны. Погоняло – Тарантул, весьма способный малый. Одно время он даже служил в ФСБ, так что с методами работы нашей организации он знаком, как говорится, не понаслышке.

– И что, неужели никто не сумел сделать прицельный выстрел? – удивился Чертанов.

– Нет... Это еще не все. К Варягу невозможно приблизиться ближе чем на километр, а потому Сосо Маленький нанял первоклассных инструкторов, которые учат стрелять именно на дальние расстояния, – километр, полтора.

– Ого! На таких дистанциях могут работать только самые одаренные стрелки.

– Вот именно. Из этих стрелков его инструктора делают настоящих снайперов.

– Похоже, за Варяга взялись всерьез.

Полковник кивнул:

– Серьезнее некуда. У нас имеется оперативная информация, что Сосо покусился на общак. Если это соответствует

действительности, то он поставил себя вне закона. Любой из воров вправе его убить! Снайперским выстрелом он хочет не только избавиться от Варяга, но и замести следы, убрать свидетелей. Кстати, старшим инструктором у них некто Сержант. По нашим данным – Степан Юрьев. Бывший военнослужащий. У него какие-то серьезные разногласия с Варягом, и он охотно взялся подействовать Сосо. Весьма колоритная фигура! Типичный террорист. Часто его выстрел ставит точку в затяжных политических спорах. Нам важно нейтрализовать его. Слишком много за ним тянется всякого нехорошего. Как мне стало известно, сам Сержант обучался выстрелам на дальнюю дистанцию у какого-то финского снайпера, воевавшего еще в финскую кампанию. Кроме того, у нас есть основания предполагать, что подготовка снайперов будет осуществляться где-то в районе российско-финской границы.

– А вы знаете, что это за финн?

Полковник отрицательно покачал головой:

– К сожалению, я не располагаю информацией о нем. Знай мы об этом, нам легче было бы выйти на Сержанта. А за ним, в свою очередь, и на всю группу.

– В чем заключается моя задача?

– Она проста. Закрепишься в группе и уничтожишь Сержанта, а заодно и всех тех, кого он подготовил.

– Да уж, это действительно очень простая задача, – иронично улыбнулся Чертанов.

Полковник улыбнулся в ответ:

– А ты молодец, Михаил, не разучился спорить с начальством. Значит, мы в тебе не ошиблись. Но ведь легких задач мы никогда не ставим.

Все шло именно таким образом, как и предполагал полковник Гордеев. Он действительно был выдающийся стратег. Через три месяца Михаила определили на чалку, где он вошел в пристяжь к одному из тамошних авторитетов.

За свою легенду он не опасался. Добротная, разработанная до любых мелочей, его «уголовная биография» вызывала нешуточную зависть любого баклана. В какой-то степени она служила трамплином для его дальнейшего карьерного роста в уголовной среде. Через полгода прежнего смотрящего хаты, где сидел Михаил, перевели на другую кичу, и Чертанов самым естественным образом занял его место, заручившись советом тюрьмы. Это был нешуточный взлет. О такой карьере мечтают многие блатные. Вместе с привилегиями нового положения в его руки свалилась власть почти над сотней зеков, внимавших теперь его словам с уважением и некоторым страхом.

Теперь на Михаиле замыкалась вся жизнь в хате: он должен был улаживать возникающие споры, от его воли во многом зависели отношения между сидельцами, за ним было последнее слово, кому лезть под нары, как делить грёв, как строить отношения с тюремным начальством.

Чертанов старался быть справедливым смотрящим. Он дотошно, с тщательностью, которую ему привил прежний хозяин хаты, вникал во всякий конфликт или спорный вопрос, требующий его личного разрешения.

Месяц назад он получил маляву от Сосо Маленького, в которой тот писал, что следит за его ростом и был бы рад начать кое-какие совместные дела.

Это был прорыв!

Когда в следующий раз Чертанова «выдернули» из камеры, он не замедлил передать эту информацию для полковника Гордеева.

Но сейчас с появлением в камере Святого Чертанов как никогда остро осознал, что все время живет в шаге от гибели. Достаточно новичку заикнуться об их встречах в следственном кабинете, как все рухнет, – сидельцы тотчас «законопатят» его. Затянут на горле шнур, чтобы не рыпался, и, как говорится, сделают то, что положено делать в подобных случаях. Всем хором!

От подобного предположения его бросало в жар. Внешне Михаил держался, как и прежде, спокойно, вот только ладони порой покрывались липкой предательской сыростью.

Святой растянулся на шконаре, заложив руки за голову, и, видно, погрузился в какие-то воспоминания.

Чертанова неотступно продолжала терзать мысль, каким образом Герасим оказался в одной камере с ним? Следо-

вательно, в оперативной комбинации полковника Гордеева произошел какой-то сбой, в результате которого Святой оказался рядом с ним и просто подавлял психику Михаила одним своим присутствием.

Сначала Чертанов и в самом деле подумал, что Святой запамятовал об их встречах в следственном кабинете, уж слишком непринужденно он вел себя. Но взгляд, брошенный им через минуту в сторону Чертанова, – откровенный и вызывающий, – свидетельствовал о том, что им ничего не забыто!

Время подбиралось к отбою. Сидельцы в ожидании заслуженного отдыха суетились, спеша закончить дневные дела. Чертанов решил подсесть к Святому. Тот, не показав удивления, лишь ободряюще усмехнулся: «А ты – молодец, хорошо держишься!»

Стоило смотрящему хаты присесть на шконарь к Святому, как тотчас вокруг них образовалось пустое пространство. Создавалось впечатление, будто они уединились в отдельную кабину. Каким-то неведомым чутьем, присущим заключенным, сидельцы хаты угадали, что разговор между смотрящим и новичком пойдет серьезный, а потому освободились даже соседние нары, чтобы хотя бы случайно не подслушать беседу между двумя авторитетами.

Кто знает, о чем они будут перетирать? Может быть, власть в хате начнут делить? Лучше держаться от этого подальше.

Некоторое время Михаил и Герасим просто смотрели друг на друга. Будто поединщики перед схваткой. Святой заговорил первым:

– Так какие проблемы ломать будем... смотрящий? – приглушенно спросил он.

Вроде бы и сказано это было доброжелательно, даже с некоторым уважением в голосе. Смущала лишь заметная пауза перед словом «смотрящий». В любом другом случае подобной заминкой можно было бы пренебречь (мало ли?), но Чертанов понимал, что в стенах кичи ничего не происходит просто так. Любая интонация имеет четко выстроенный подтекст.

Это был вызов, на который следовало отвечать незамедлительно. И Чертанов, нащупав в кармане лезвие, сказал как можно спокойнее:

– Хм... А ты имеешь что-нибудь против смотрящего?

– Я-то нет, но вот другим может кое-что не понравиться. – Оглянувшись, Святой добавил: – Хочешь, раскину карты, как ты здесь оказался?

– Не утруждайся. Значит, нужда пришла.

– А не боишься, что тесемочку на кадыке затянут?

– Если и затянут, так только по твоей милости, – мрачно сказал Чертанов. – Тебе, впрочем, тоже тогда не жить, сам понимаешь. Вот такой он, расклад, – неторопливо сообщил Михаил, подмечая малейшие движения лицевого нерва Герасима.

– Выдерни меня отсюда, Стрелок... Тогда могила! – неожиданно попросил Святой. И, расценив затянувшееся молчание Михаила по-своему, прибавил: – Мне терять нечего, уж больно большой срок мотаю.

– Я тоже сюда не конфеты жрать пришел, – отрезал Чертанов.

– Без базара. Я все понимаю!

Чертанов взвешивал шансы «за» и «против».

В углу хаты неожиданно раздался дружный смех. – сидельцы разыгрывали в карты, кому сегодня ночью предстояло стоять «начальником сортира». Суть игры заключалась в том, что каждый, кто встает ночью по нужде, обязан спросить разрешения у «начальника сортира». И попробуй не спроси! Могут повесить косяк. Обязательно отыщется несколько пар глаз, которые заметят нарушение.

Но хуже всего самому «начальнику», который на протяжении ночи будет обречен на выслушивание доклада по полной форме и обязан будет давать разрешение на пользование толчком. Все бы ничего, если бы в хате было немного народу, шутка удалась бы сполна. Но сложность заключалась в том, что камера от пола до потолка была забита сидельцами и даже думать о сне не имело смысла. Будут будить через каждые пять минут. А это перебор!

На этот раз в неудачниках оказался Барсук – шут хаты. И теперь каждый предвкушал, что за ночь у Барсука накопится немало презабавных историй, которыми он щедро поделится

с сокамерниками.

Святой улыбнулся:

– Жизнь такая. Так что скажешь? Ништяк? Руку-то из кармана вынь, чего за писалку-то держаться. Уколешься.

В голосе вора послышался укор.

Чертанов усмехнулся. Пальцы разжались, выпустив осколок лезвия. Вынув руку из кармана, он демонстративно хлопнул ладонью по колену:

– Вот так тебя устроит?

– Да, – кивнул Святой, – так оно лучше будет. А то разговариваю с тобой, а сам будто бы на угольях сижу. Не знаю, когда именно ты меня по горлу полоснешь. – Чертанов посмотрел на сидельцев, которые теперь развлекались новой игрой. Святой его перегляд понял по-своему: – Не бойсь, ты здесь в авторитете, тебя никто не подсекает.

– Ты хоть представляешь, во что впрягаешься? – задумчиво протянул Чертанов.

– Пластинку не гони, – возмутился Герасим, – не так все хреново, как расписываешь.

– Ты что, пиджачком прикидываешься? – зашипел Чертанов. – Не мне решать! И повесомее меня люди есть.

На какое-то мгновение лицо Святого застыло:

– Может, я и будырга, а только одно хочу тебе сказать, если не поможешь мне... поесть простокваши, тогда, начальник... печенками рыгать будешь. Зуб даю! Я все сказал... И не надо плести кружева, я сам ученый!

– Хорошо, я подумаю, – пообещал Чертанов, судорожно сглотнув. Такое впечатление, что кто-то и вправду очень крепко стянул на его шею тесьму.

– Только побыстрее рогами шевели, уж больно мне муторно здесь становится. – И, не дождавшись ответа, Святой развалился на шконаре.

* * *

При следующей встрече с полковником Чертанов, не сдерживая интонаций, высказал ему все свои претензии. Ожидал, что тот начнет оправдываться за явный прокол, плести кружева, рассчитывал получить извинения, но полковник слушал его совершенно бесстрастно, словно жалобы касались кого-то другого. В какой-то момент Чертанов хотел психануть, глядя на иезуитскую улыбку полковника. И только благодаря усилию воли сумел подавить эмоциональный взрыв.

– Значит, он хочет заодно с тобой?

– Да.

Прикрыв глаза, полковник помассировал пальцами глазные яблоки.

– И что ты предлагаешь?

На мгновение Чертанов смешался. Подобного вопроса он не ожидал. Стараясь не выдать своего замешательства, сказал:

– Его надо как-то нейтрализовать.

– Каким образом? – пожал плечами полковник. – Прибить, что ли? Не выйдет. Не исключено, что он уже кому-то шепнул о тебе. И как только его найдут с распоротым животом, так тотчас все это аукнется и на тебе. Нужно придумать что-то похитрее... Кстати, а ведь Святой неплохой стрелок, – неожиданно сказал Гордеев.

Чертанов поднял брови:

– Откуда вы знаете?

Разговор происходил в кабинете начальника оперативной части. Весьма симпатичное местечко. Стены кабинета почему-то были оклеены политическими картами мира. На некоторых из них красовались разноцветные флажки. Чертанову очень хотелось знать, какой смысл вкладывался в подобное обозначение. Но спросить было не у кого – начальник оперчасти тотчас оставил кабинет, едва в него вошел полковник Гордеев.

Для эков все вертухаи на одно лицо. Но в действительности тюрьма уже давно перешла под «крышу» ФСБ и контрразведчики чувствовали себя в ее стенах не менее комфортно, чем в собственных кабинетах.

– Я читал его личное дело, – хитро улыбнулся полковник. – В армии он занимался тем, что пристреливал автоматы. Несколько раз участвовал в армейских соревнованиях по стрельбе. А в дивизии был первым стрелком.

Горло Чертанова перехватил спазм. Ему потребовалось

несколько долгих секунд, чтобы справиться с колючим комом.

– Так, значит, вы это сделали не случайно?

Полковник мелко рассмеялся:

– Ха-ха, мы ничего не делаем просто так. Нам интересно было посмотреть, как ты себя поведешь. А ты молодец, достойно держался, – одобрительно кивнул Александр Антонович. – Другой на твоём месте растерялся бы, ударился бы в панику, а ты только побледнел. Настоящий смотрящий!

Михаил едва сдержался, чтобы не выругаться. Значит, все это время хата находилась под присмотром ФСБ. Где-то под самым потолком прятался видеоглазок, который зорко поглядывал за каждым передвижением жильцов хаты. А ведь когда зэки резались в карты или наказывали кого-то за провинность, никто из них даже заподозрить не мог, что в это самое время за ними пристально наблюдало всевидящее чекистское око.

Открытие неприятно поразило Чертанова. Удивительно, но на этот раз в нём сыграла психология зэка. Он вдруг неожиданно остро возненавидел всех вертухаев. Вот оно как бывает, достаточно провести на чалке всего лишь годик, как начинаешь рассуждать, как и остальные заключенные.

Чертанов проглотил брань и ответил как можно спокойнее:

– Мне ничего другого не оставалось.

– Вот что делаем... Нам стало известно, что на твой счет

у Сосо Маленького появились кое-какие сомнения. Их надо развеять. Сделать это поможет Святой! Человек он в блажном мире популярный. Пробивать его серьезно не станут. А уж мы найдем, на чем его можно будет зацепить. Это чтобы он потом не дергался. – Подмигнув, Гордеев добавил: – Зря, что ли, мы с тобой свой хлеб едим! Ты же сделаешь вот что: пустишь слушок, что Святой отличный стрелок, а уж мы позаботимся, чтобы молва докатилась туда, куда нужно!

* * *

– Ты хорошо подумал? – спросил Чертанов, пытаясь увидеть на лице Герасима хоть нечто похожее на сомнение.

Губы Святого дрогнули в легкой улыбке, после чего приняли жестковатое выражение.

– Ты меня на крепость, что ли, проверяешь? Я свое слово сказал! – зло пробурчал он. – Мне здесь не фонтан. Кичман – не санаторий. Я ведь тоже воздух нюхал. Все будет в ажуре! У меня просто нет другого выхода. Моего побратима в хате задавили. Теперь очередь за мной. Ведь нас вместе закрыли. Когда узнают, где я, тогда и мне кранты! – рубанул он рукой. – Да и вообще, я жизнь хочу поменять. В монастырь пойду...

Чертанов понимающе кивнул, он знал даже больше того, что отважился сказать ему Герасим.

Воровская специальность Святого называлась «слесарь». Он занимался тем, что проникал в квартиры путем подбора отмычек к замкам. В случае необходимости мог взломать крепкий запор, выдернуть решетку. Но рогометом не был. И если масть не канала, мог свернуть в сторону. Специализировался он на дорогих коттеджах, щедро делился с подельниками и всегда давал хорошие деньги за стоящую «наколку».

Богатых коттеджей в Подмосковье было много, а потому Святой со своей группой не бедствовали. Неприятности начались месяц назад, когда на пару с сообщником они влезли в один роскошный дом, в котором не было установлено даже банальной сигнализации и который к немалому удовольствию налетчиков от пола до потолка был забит весьма привлекательным добром. Только одного золота они выгребли почти на триста тысяч баксов!

Но как выяснилось позже, дом принадлежал весьма авторитетному вору, который незадолго до ограбления был отправлен постановлением сходяняка в чалкину деревню смотрящим. Охранять его дом не было особой надобности. Местная братва знала, кому принадлежит хибара, а потому держалась от нее подальше. На беспредел могла отважиться только залетная шпана, которую здесь не жаловали. И когда авторитету сообщили о том, что его обобрали до нитки, как последнего лоха, он немедленно отдал приказ разобраться с налетчиками.

Беспредельщиков отыскивали быстро. Кем-то из бригады, контролирующей район, было замечено, что незадолго до того, как колупнули хату вора, в поселке вертелся один подозрительный тип, очень смахивающий на ливеровщика. А позже этого наблюдателя засекли в одном из ресторанов, где он, сняв дорогую проститутку, лихо сорил деньгами, обращая на себя внимание всех посетителей.

В тот же вечер подельщика Святого закрыли в следственном изоляторе, а еще через неделю вертухаи вынесли из хаты его труп с десятком черепно-мозговых травм. Чертанову также было известно, что убийство ливеровщика взял на себя мужичок, за которым числилось уже три загубленных души. Странность ситуации заключалась в том, что мужичок этот был человеком хлипким и едва доставал до пупка покойного. Но признание налицо, а потому следяки особенно не копали. Более того, в стремные уголовные ситуации тюремная администрация старается не вмешиваться, давая зэкам возможность самим спрашивать за косяк.

Закрыли Святого неожиданно, а потому он даже не успел рассовать рыжье по укромным местам. Герасим понимал, что он не просто «замочил ноги», а вляпался по-крупному. И если не предпримет каких-то усилий, то будет разыскан в самое ближайшее время. И даже вмешательство смотрящего не сумеет спасти его от расправы. Так что по большому счету терять ему действительно было нечего.

– Ладно. Только курорта я тебе не обещаю.

Глава 3

ПОБЕГ С КИЧЕМАНА

Революционеры были весьма неглупыми людьми и никогда не верили своим соратникам, бежавшим из царских тюрем. Чаще всего подобные вещи организовывала сама охранка. Такой «беглец» оказывался или двойным агентом, или обыкновенным стукачом. Достаточно было задаться вопросом, каким это образом человек, не наделенный сверхъестественными способностями, может вырваться из здания с толстыми стенами, да еще к тому же строго охраняемого и обнесенного несколькими рядами колючей проволоки. Разумеется, если он не птица или не агент охранки.

А потому когда Гордеев заговорил о побеге, то Чертанов серьезно засомневался:

– Это может вызвать подозрение. Воры ведь народ очень недоверчивый, обязательно устроят допрос.

Куратор постучал костяшками пальцев по столу, выбивая какую-то замысловатую дробь. По его напряженному лицу было заметно, что он и сам не очень-то был склонен к такому повороту событий, но лучшего варианта не находилось.

Не выпускать же Чертанова со Святым просто так, в самом-то деле!

– Другого выхода нет, – невесело подытожил Гордеев. – Знаешь, я сам об этом подумывал. Можно все подстроить.

Будет выглядеть вполне натурально. Вас будут перевозить в автозаке из Бутырки в Лефортово. Конвой два человека. Все солдаты второго года службы. – Задумавшись, он добавил: – Мы уже давно наблюдаем за этой парой. Через них проходит дорога в тюрьму.

– И чем же они занимаются?

– Тем, что приносят блатарям водяру и наркотики. Копят себе денег на дембель. Кстати, во время перевозок заключенных в автозаке иногда бегают за водярой. Только плати! Служба у них уже заканчивается. А в такой период чувство самосохранения притупляется. – Лицо Гордеева враз посурело. – Разрешаю действовать жестко! Надо же, в конце концов, прекращать этот бардак!

– Попробую, – кивнул Чертанов.

Подумав, Гордеев продолжал:

– Когда вы «сделаете лыжи», то воры наверняка будут наводить об этих конвойных справки и поймут, что подобным они уже занимались. Так что ваш побег будет самый что ни есть реальный. И многое будет зависеть от того, как вы себя поведете. В автозаке с вами будет ехать еще один-два человека, так что свидетелей вашего «подвига» тоже будет предостаточно. Они подтвердят, что побег был настоящий. Тех, кто побежит с тобой, мы отловим сразу, а на тебя со Святым наводку делать не станем.

– А если не получится?

Полковник Гордеев задумался, после чего уверенно отве-

тил, посмотрев в глаза Михаилу:

– Тогда придумаем что-нибудь еще.

– Когда прибудет автозак? – по-деловому спросил Чертанов.

– Завтра, в одиннадцать часов утра, – твердо сказал Гордеев.

Чертанов кивнул:

– Хорошо. Я скажу Святому, чтобы готовился.

* * *

Автозак прибыл точно в назначенное время. Заключенных препроводили под конвоем с тюремного двора и заперли в металлической клетке. Как это бывает, никто из осужденных не знал, куда их везут на этот раз. Оставалось только гадать: то ли перевозят на другую кичу, то ли хотят отправить на дальняк. А если все-таки последнее, то, значит, впереди очередная пересылка, которую трудно назвать даже местом приписки.

Лица у сидельцев были унылые, напряженные. Какая бы ни была тюрьма, но если живешь в хате долго, то появляется чувство хоть какого-то своего угла. А уезжать из обжитого места всегда тяжело. Совершенно не представляешь, через какие тропы будет проложен следующий маршрут и как встретят новичка на новом месте. А кроме того, новая дорога всегда пролегает через несколько пересылок, где бал чаще

всего правит Господин Беспредел. Оно и понятно, пересылка – это не дом, а всего-то перевалочная база, где люди надолго не задерживаются. А потому направо и налево вешают косяки, за которые и спросить-то не с кого!

Сбиваясь в агрессивные стаи, сторожилы-арестанты пощипывали мужиков, понимая, что спрашивать с них за беспредел впоследствии будет некому, потому как уже на следующий день дороги разведут их навсегда.

Пересылка, одним словом!

Место глухое и темное. Как черная дыра. Правды там не доискаться. В ней могут призвать к ответу мужика, получившего досрочное освобождение. И попробуй растолкуй, что получил амнистию не потому, что носил красную повязку активиста, а оттого, что просто повезло, что угодил под очередное помилование всего лишь по капризу судьбы.

Металлическая дверь «уазика» захлопнулась, и мужичок, сидевший рядом с Чертановым, спросил, стараясь скрыть некоторую нервозность в голосе:

– Ты случайно не знаешь, куда нас везут?

Святой, сидевший напротив, скривился, показав желтоватые клыки:

– Домой везут, братан! Все! Под чистую отпарились.

Мужичок шутку не оценил. Лишь вполголоса пробурчал какое-то проклятие, но с расспросами более не лез.

Через решетчатое окошко Чертанов видел крепкого крас-

нощеккого сержанта, сидевшего в конце фургона. Лицо простоватое, но одновременно с этакой хитрецей в глазах. Такие физиономии бывают только у деревенских ухарей, вроде бы понятен, как раскрытая ладонь, вот только никогда не знаешь, в какой именно момент пальцы сложатся в фигу.

Машина выехала за ворота тюрьмы. На лице сержанта отобразилось нечто похожее на удовольствие. Какое-никакое, а развлечение. Пока катаешься, полдня прошло, а следовательно, дембель приблизился еще на двенадцать часов.

Машина покатила по Новослободской улице, а затем дорога пролегла далее в сторону Марьиной Рощи.

– Братан, – ухватился Чертанов за решетку.

«Уазик» крепко трянуло, Чертанов едва не разбил о металлические прутья лицо. Сержант лениво повернулся и обронил:

– Не положено разговаривать.

– Я же не просто так, а по делу, – быстро нашелся Чертанов. – Глянь сюда, – вытащил он пятидесятидолларовую купюру. – Водки купи, будь человеком!

Сержант повернулся еще чуток. С такого ракурса можно было увидеть блеснувший в черных зрачках цирика алчный огонек. На его простоватом лице застыло удивление, замешанное на каком-то диковатом малодушии: «И откуда у этих эзков башли водятся? Я почти два года лямку тяну, а денег набралось только на то, чтобы сходить в кабак! А эти сидят безвылазно в четырех стенах и запросто способны отстегнуть

полсотни баксов за пузырь бормотухи! Ну где же тут справедливость!»

– Что я тебе... курьер, что ли? – после некоторой паузы подобрал он нужное слово.

По личному опыту сержанту было известно, что сразу соглашаться на предложение зэков не следовало. Глядишь, еще что-нибудь обломится. А потому стоило немного покочевряжиться да понабивать цену.

По тому, с какими глазами вертухай смотрел на баксы, Чертанов понял, что согласие уже получено. Следовало только соблюсти некоторые правила приличия.

– Тебе на дембель лавэ, что ли, не надо? Хоть девочку свою в кабак сводишь. А может, ты думаешь, что кто-то настучит? Да мы стукача сразу на хрящ любви посадим!

– А может, тебе и бабу еще привести? – поинтересовался сержант.

Лениво так, совершенно без злости. Дескать, всего лишь рабочий момент, нужно уточнить кое-какие существенные детали. Водка имеется, а к ней и бабенку нужно приложить.

Чертанов мелко рассмеялся, но руку с деньгами не убрал.

– А почему бы и нет? За телку я и добавить могу!

– И сколько же добавишь? – вяло поинтересовался сержант.

Повернулся немного, всего лишь на какой-то градус, но теперь отчетливо улавливалось хищное выражение его лица. Но тем не менее в каждом его движении было столько лени,

будто у него в деревне долларами разжигали печи.

– Могу дать еще полста.

Чертанов подобно фокуснику раздвинул пальцы, и тотчас в его ладони обнаружилось еще пятьдесят долларов. Совершенно не лишняя прибавка к сержантскому жалованью.

– Хорошо, – смилостивился сержант. – Куплю!

И ловко вытянул через решетку протянутые деньги.

– Пару бутылок водки возьми, – напутствовал его Михаил.

– Что я тебе, верблюды, что ли, чтобы все это на себе тащить? А потом, патруль может заметить. Одной хватит!

Чертанов неодобрительно покачал головой:

– Когда-нибудь жадность тебя погубит.

– Будешь выступать, так вообще без бухла останешься, – вяло огрызнулся конвоир. И, повернувшись к шоферу, блондинистому малому, сказал: – Степа, тормозни около магазина.

– Не положено, Петро, – неуверенно запротестовал тот.

– Ты думаешь, что кто-то вложит?

– Мало ли? – неопределенно протянул белобрысый.

– Тридцать баксов твои, – торжественно пообещал Петро.

– Лады! – весело кивнул Степа.

«Уазик» подкатил к магазину. Петро уверенно спрыгнул и, аккуратно положив автомат рядом с водителем на кресло, бросил через плечо:

– Я мигом! Покарауль ствол.

Через решетку Чертанов видел, как сержант уверенно во-

шел в магазин. Хлопнула дверь. Ждать пришлось недолго, Петро вышел через несколько минут с тяжелым пакетом в руках.

Распахнув дверцу, он облегченно плюхнулся в кресло. На этот раз Петро сел рядом с шофером.

– Поехали! Чуть на прапора не напоролся! – «Уазик», просигналив поворотником, отъехал от обочины. – Здесь два пузыря, один тебе, а другой нам, – сказал Петро Чертанову. – Надеюсь, ты не в обиде? – весело поинтересовался он. – Сам понимаешь, за труды. Не бывает же так, одним все, а другим ничего!

– Хорошо... Что с тобой сделаешь, – попытался Чертанов изобразить скрытое неудовольствие. – Ты бы где-нибудь тормознул, передал бы нам флакон. Мы бы тут его и раздавили. А то, сам понимаешь, не в кайф на сухую ехать. Еще неизвестно, что завтра будет, а потом ведь на выходе шмонать станут!

– Давай завернем вон в тот переулок, – приказал водителю сержант. – Пускай флакон выдуют. А потом дальше покатым.

Шофер кивнул:

– Хорошо.

– Только дворик побезлюднее выбери.

Автозак съехал с оживленной улицы и завернул в малолюдный тенистый переулок. Густой разросшийся кустарник надежно прятал машину от посторонних глаз.

Держа бутылку в руках, дубак спрыгнул на землю.

«АКМ», сползший с плеча, ударил его по ноге. Петро чертыхнулся и поправил автомат. Он обошел машину и остановился перед дверцей. Бутылка водки через решетку не пролезала, дверцу следовало открыть.

Подобные вещи проделывались во все времена, а Петро почти за два года службы в этом деле преуспел по-настоящему. Случалось, что он открывал дверцу фургона с зэками по несколько раз за переезд. Ведь мало отдать зэкам бутылку водки, ее следовало еще и забрать. Иначе могут возникнуть нежелательные вопросы: «Каким это образом пустая бутылка оказалась в автозаке?»

Со стороны зрелище должно было выглядеть по меньшей мере странным. Около автозака стоит конвоир с бутылкой в руке и с автоматом за спиной и о чем-то разговаривает с заключенными. Поэтому следовало все сделать быстро, чтобы избежать ненужных свидетелей. Но сержант как будто бы и не торопился. А может, он почувствовал неладное?

Ключ от автозака на крепкой цепочке был прицеплен к поясу конвоира. Справедливое решение – за потерю могут спросить строго. Взяв ключи свободной рукой, Петро поиграл ими несколько секунд, после чего спросил у Чертанова:

– А зачем тебе водяра-то?

Внутри у Чертанова взорвалось. Михаил почувствовал, как к лицу приливает кровь, с головой выдавая его напряжение. Важно по-прежнему оставаться ровным, иначе все пропало!

Призвав на помощь остатки самообладания, Михаил заговорил ровным, слегка усталым тоном:

– Подразнить, что ли, решил, служивый? Считай, что у тебя получилось! Ну а теперь давай пузырь, трубы горят! Неизвестно, когда еще бухнуть придется.

Петро подкинул на спину сползший «АКМ» и с минуту, не говоря ни слова, рассматривал Чертанова, прильнувшего к решетке. Михаил чувствовал, как нервы натянулись до предела.

Михаил прекрасно понимал, что такие типы, как сержант Петро, обладают повышенной наблюдательностью. Важно в минуту наивысшего напряжения вести себя как можно естественнее и попытаться выдержать подозрительный взгляд.

Чертанов, стараясь усыпить в сержанте проснувшуюся подозрительность, широко улыбнулся.

– Мы так и будем друг на друга пялиться?

С такими типами, как вертухай Петро, Чертанову приходилось сталкиваться. Формула их существования весьма проста, Михаил даже составил их психологический портрет. Во-первых, они трусоваты, а во-вторых, очень мнительны. Мнительность – наиболее уязвимое их место. По-другому это их жизненная сущность. Трусость – главная векторная величина, превалирующая над всеми остальными составляющими. Они стараются всячески скрывать эту свою черту, а потому подчас действуют вопреки обычной логике. Именно это обстоятельство и следовало использовать сейчас.

Михаил почувствовал, что конвоир заколебался. Следовало сделать еще небольшое усилие, чтобы склонить чашу весов в свою сторону.

– Или, может, ты боишься? – с некоторой иронией спросил Чертанов. – Хм, у тебя же автомат!

Всему свету такие типы, как Петро, стремятся доказать, что опасаются только дьявола. Преодолевая свою трусоватую сущность, они теряют значительную часть жизненной энергии. Сильный и неожиданный отпор их делает беспомощными, как паралитиков.

Секундное колебание, и цирик, с напускной неторопливостью, загремел ключами:

– Только быстро! Даю вам десять минут, чтобы выжрали флакон, и едем дальше!

Петро повернул ключ. Один оборот, затем второй. Дверь открылась, и в проеме показалось простоватое краснощекое лицо, совершенно не озабоченное какими бы то ни было мыслями. А вот и рука с водкой! Чертанов мгновенно вцепился в запястье, а другой рукой, ухватив сержанта за загривок, с силой ударил его головой о дверь.

Петро мгновенно обмяк.

– Ну, что сидишь? – прикрикнул Михаил на мужичонку, что доставал его вопросами. – Давай тащи его сюда!

В глазах заключенного застыл немой ужас. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: он был из тех, про кого говорят: «Угодил на кичеман от сохи». Срок небольшой,

а потому он старался провести его как можно тише, чтобы поскорее вернуться на волю и вспоминать тюремное житье только в кошмарных снах.

– Сейчас. – Бестолково засуетившись, мужичонка подхватил под руку сержанта. Два других зэка молча жались в углу. – Крепко ты его уделал. Мертвяк? – Он показал взглядом на рассеченную голову.

– Поживет еще, – по-деловому высказался Святой, снимая с плеча сержанта автомат. – Водяру не забудьте, раззявы!

Мужички таращились на оглушенного конвоира со смешанным чувством облегчения и ужаса одновременно. Как-то несколько минут назад свобода представлялась им такой же далекой, как соседняя галактика. И вот сейчас, когда дверца машины была распахнута, а в проеме были видны кусты, воля пугала. В сновидениях она представлялась совершенно иначе.

– Выпить бы, – вздохнул один из сидельцев сдавленным голосом.

– Прямо сейчас, что ли? – спросил Чертанов, по-деловому обыскивая сержанта. В одном из карманов отыскалось сто долларов. – Ага, вот они, родимые! – обрадованно воскликнул Михаил, перевернув сержанта на бок. – А здесь что? Еще тысяча рублей... Ладно, сгодится. Не хило краснопогонники живут.

– Приспичило, – прохрипел все тот же мужичонка, преисполненный отчаянной решимости.

Он мотал пятерик за мелкое воровство. Большая часть срока уже прошла, а потому мужичонка решал для себя почти непосильную задачу – ломануться вместе со всеми в открытую дверь или все-таки остаться и терпеливо дожидаться момента, когда конвой защелкнет на запястьях браслеты.

Последнее чреватое. Братва может не понять бездействия, устроят разбор, а там и косяк повесят. Воля очень тонкая материя, а потому с ней следовало обращаться поаккуратнее.

В общем, без бутылки не разобраться.

– Тогда держи! – Чертанов протянул бутылку водки.

Мужичонка привычным движением отвернул пробку и в каком-то злом раздражении отшвырнул ее в сторону. Приложившись к горлышку, он сделал несколько крупных глотков. Наконец, оторвавшись, он одобрительно крякнул и громко сказал:

– Ша! Режьте меня на куски, рогометы, никуда отсюда не пойду!

Хмельные его глаза сверкнули недобрым огнем, сейчас его лучше не задевать. Похоже, что и двое других решили остаться.

– А вас никто и не неволит, – сказал Чертанов, забирая автомат. – Пойду водилу навещу.

В три прыжка Михаил добрался до кабины и с силой рванул дверцу на себя. В какую-то долю секунды он увидел глаза шофера, враз наполнившиеся ужасом. И, вкладывая в удар неизвестно откуда взявшуюся ярость, ткнул прикладом

в раскрытый рот.

Странное дело, он вдруг поймал себя на том, что в нем проснулся заключенный, люто ненавидящий все племя краснопогонников. От расправы с конвойными Чертанов получил невероятное удовлетворение. Оказывается, не так много нужно человеку, чтобы перестроить его психику, – достаточно заточить его в четырех стенах и держать там полгода с такими же горемыками, как и он сам.

Еще один удар, и шофер завалился на бок, так и не разжав пальцы на баранке. Уж не убил ли? Чертанов потрогал его шею и, почувствовав под подушечками пальцев ритмичное биение, успокоился. После того как очнутся, у них будет достаточно времени, чтобы подумать, стоит ли впредь останавливаться около водочных магазинов.

Чертанов осмотрелся. Кажется, никого. Положив автомат в кабину и прихватив вторую бутылку водки, он вернулся к задней дверце.

– Все, уходим! – объявил он.

То ли от долгого воздержания, то ли от нервного напряжения мужичонку развезло. Он совершенно некстати лыбился и весело посматривал по сторонам. Глаза его сверкали пьяным огоньком.

– На, забирай! – протянул Чертанов мужику вторую бутылку. – Выпьте еще, чтобы не скучно было ждать. – И, повернувшись к Герасиму, поторопил: – Ну, чего стоишь?! Делаем ноги!

Все получилось так, как говорил полковник Гордеев. Стоило им только объявиться в ресторане «Полнолуние» и назвать свои имена, как беглецов сразу же отвели в заднюю комнату, куда не осмеливался заглядывать даже обслуживающий персонал, и заперли там.

Здесь не было ничего такого, что могло бы удручающе действовать на психику: ни белых стен, ни звуков капающей воды, ни темноты, которая могла бы давить на мозги. Это заточение напоминало обыкновенный карантин, который надо выдержать перед новой жизнью.

Голодом тоже не морили. Давали возможность есть от пуза. Принесли бутылку хорошего коньяка. Единственное ограничение – запрещалось шататься по зданию. Руки им никто не заламывал, не пытался затолкать обратно в комнату, просто когда они выходили из комнаты, от стен коридора отделялись фигуры в черных костюмах и с вежливыми улыбками просили их вернуться обратно. Охрана! Вышколенная, хорошо обученная, получавшая за свой профессионализм немалые деньги. При надобности могут и пристукнуть, а потому в конфликт с ними лучше не вступать.

Пошли уже третьи сутки их здешнего заточения. За это время их посетили только два человека, один из которых был начальником службы безопасности заведения, а второй,

с тюремными авторитетными наколками на пальцах, сам хозяин. Подробно расспросив о том, как им удалось бежать, он удалился, обещав скоро вернуться. Однако отсутствовал уже вторые сутки.

Но даже он не был главным среди тех, кто интересовался беглецами, в чем Чертанов убедился, выглянув как-то в окно. У входа в ресторан хозяин заведения беседовал с каким-то лощеным типом. С первого взгляда было понятно, что это очень важная персона. Когда он сел в машину, то хозяин не осмеливался уходить до тех пор, пока автомобиль лощеного не отъехал.

Михаил понимал, что сейчас их серьезно пробивают. Причем по всем каналам. Узнают подробности побега, расспрашивают сокамерников про возможные косяки, смотрят, не замечены ли они в связях с администрацией. Если что-нибудь пойдет вразрез с их легендой, то вряд ли им дадут возможность выбраться отсюда живыми. Может, поэтому никто и не показывался, чего, мол, разговаривать с потенциальными покойниками?

Чертанов старался не показывать своего настроения, а Герасим не унывал, делал хорошие заказы в ресторане, в чем ему не было отказа, а вчера вместе с ужином пожелал еще и бабу.

Привели! Уважили! Святому для этого свидания отвели даже небольшую комнату, откуда он не вылезал до обеда следующего дня.

Порой Чертанову казалось, что о них попросту забыли. Ешь да гуляй, и ничего более! Их томительное заточение прервалось на четвертые сутки. Вновь пришел хозяин заведения и, усевшись за стол, брезгливо отодвинул в сторону пустые пивные бутылки.

– Ладно, братаны, хорош скучать. Весь этот хлебушек, – показал он взглядом на стол, – нужно как следует отработать. Просто так у нас никто никого не кормит. – Покосившись на Святого, жевавшего кусок копченой колбасы, он неожиданно рявкнул на него, блеснув золотыми зубами: – Выплюнь эту жвачку, она мешает тебе слушать меня с открытым ртом!

Герасим, как-то нелепо улыбнувшись, торопливо проглотил колбасу. Чертанов впервые видел, чтобы он был столь послушен. Возможно, что этому способствовал распахнутый ворот рубахи хозяина, так, что можно было рассмотреть краешек звезды коронованного вора.

Статус собеседника впечатлял. С такими людьми обычно не спорят.

– Прожевал? – поинтересовался он. – Вот и славно... Вы знаете, для чего вы здесь?

– Не совсем, – покачал головой Чертанов. – Сосо Маленький написал в малявке, чтобы я, когда откинусь, дал о себе знать. Работенка, мол, будет стоящая. Потому я и здесь. Амнистировал сам себя, а еще и кореша прихватил.

– Что сплел лапти, молодец! А со стволом ты дружен?

– Есть такое дело.

Святой лишь кивнул.

– Лады, – подытожил коронованный. – Не люблю играть в прятки. В общем вы скоро получите по плевательнице. Настоящей... А не какой-нибудь винт! Работы будет много, но за каждый плевок будете получать хорошие бабки.

– Ништяк! – восторженно протянул Герасим.

Хозяин смерил его суровым взглядом.

– Хочу предупредить, вам еще не поздно пройтись фуксом. Такая работенка не для каждого... Сегодня еще можете уходить. Но если надумаете слинять завтра... матку вывернем! Даю вам минуту на размышление.

И хозяин демонстративно посмотрел на часы.

– Мы уже все решили, – ответил за двоих Чертанов. – Для нас все едино, что ствол, а что фомич!

На какую-то секунду лицо вора скривилось. Михаилу показалось, что ему не понравился такой ответ.

– Лады! Пару дней еще придется сидеть на фонаре, пока мы сделаем вам новые ксивы. И тогда у вас начнется другая жизнь. Советую никогда не спрашивать, кто будет следующий клиент. Как говорится, меньше знаешь, крепче спишь! Очередной заказ вы будете получать через «почтовый ящик». Детали обговорим позже. После того как будет заказ выполнен, позвоните. Перед каждым заказом вы будете получаете аванс. После исполнения – остальное бабло.

– Какова сумма за плевок? – по-деловому поинтересовался Святой.

Коронованный понимающе кивнул:

– Все будет зависеть от сложности заказа. Но скажу так – денег вам вполне хватит на кабаки и казино. Даже еще останется, чтобы жарить центровых телок. – Улыбнувшись как-ким-то своим мыслям, он добавил: – Женщины любят общество.

Законный сидел напротив Чертанова. Лицо худощавое и с запавшими щеками, как у подавляющего большинства зэков. Еще не старый, нет и пятидесяти. Несколько годков ему добавляли глубокие морщины, что рассекали лоб.

– Когда начнем? – спросил Святой.

Герасим в который раз удивил Чертанова – в его голосе слышалось такое воодушевление, как будто они вознамерились расписать партию в преферанс.

Законник выждал содержательную паузу.

– Кто не понял, могу повторить, что щенячье веселье здесь неуместно! Дело серьезное. Большую «капусту» просто так не дают. Пока вы только можете держать в руках винтовку, стрелять же по-настоящему никто из вас не умеет! Ваша задача научиться стрелять с предельно дальнего расстояния. Обучать вас будет настоящий специалист. Через три месяца тренировок вы будете стрелять, как профессиональные снайперы. Считайте, что у вас пока отдых перед серьезным делом. А вот завтра начнется настоящая работа. – Широко улыбнувшись, вор добавил: – Можете оттянуться на всю катушку! Скажу, чтобы вам принесли выпивку, разрешаю при-

вести девочек. В следующие три месяца вам будет не до титек.

Глава 4

СНАЙПЕРСКАЯ ШКОЛА

До базы добирались на двух микроавтобусах. Все было отлажено до мелочей. Чувствовалось, что за всем этим стоит серьезная организация, которая предусмотрела все. Машины даже ни разу не остановили! Всего в группе набралось человек пятнадцать, и за три дня пути им удалось перезнакомиться со всеми. Чертанов со Святым больше всего сошлись с Толиком Амбалом и Степой Беленьким. Но в дружбу особенно никто не лез, знали, что через три месяца им предстоит разбежаться в разные стороны.

Их инструктором был мужчина лет пятидесяти, плотный, русоволосый. Он представился Сержантом. Так его и называли. Чертанов знал его настоящее имя – Степан Юрьев, знал и его впечатляющий «послужной» список, где значилось немало отстрелянных Сержантом людей. От него, несмотря на улыбку, веяло скрытой угрозой. Чувствовалось, что это необыкновенно волевой и жесткий человек. Хотя внешне он напоминал доброго стареющего дядюшку. На подхвате у него было еще шесть человек, из «диких гусей», которые только тем и занимались, что кочевали из одной «горячей» точки в другую. Им тоже отводилась роль наставников. Спорить с ними не хотелось. Глядя на их лица, лишённые каких бы то ни было эмоций, верилось, что в запасе у них найдется

немало жутковатых историй.

С первых же минут Сержант установил жесткую дисциплину в группе, наложив вето на все спиртное. И когда двое курсантов, нарушив приказ, раздавили в кустах флакон, Сержант, поморщившись, выразил им свое неудовольствие.

На следующий день этих парней уже не было видно. Спрашивать об их судьбе никто не отважился. В конце концов, кто они такие для остальных?

Но страх перед Сержантом только усилился.

Никто не сомневался в том, что в списках живых они более не значатся. Скорее всего, бедолаги похоронены на одном из привалов. Пальнул строгий дядька своим новобранцам в затылок из бесшумного пистолета и, забросав неостывшие трупы валежником, отправился по своим делам.

На четвертый день пути приехали к небольшому озеру. Вокруг было безлюдно, густой лес окружал озеро со всех сторон. А где-то в паре десятков километров к западу – граница с Финляндией.

Поселились в землянках. Вполне добротные норы, перекрытые в два наката толстыми бревнами. Землянки были обжиты. Чувствовалось, что покинули их совсем недавно, а на одной из берез даже висели пересохшие портянки, видно, забытые кем-то.

Пока размещались, Сержант куда-то ушел. Появился он часа через полтора и вел за собой на веревке пегую козу. Глядя на такое трогательное зрелище, блатные невольно заулы-

бались.

Привязав козу к дереву, Сержант обвел блатных строгим взглядом.

– Хочу вам сказать, что на эти три месяца я для вас царь и бог. А теперь хочу спросить, может, кому-то смешно?

В этот момент лицо Сержанта приняло жесткое выражение. Они уже знали, что он классный снайпер. Наверное, именно с таким выражением лица он высматривает через оптический прицел цель.

Блатные смущенно притихли.

– Вижу, что вам не до смеха. Вот и отлично! На своем веку я обучил немало стрелков. Среди них были хорошие и очень хорошие. Встречались даже талантливые! Но я не выпустил ни одного плохого! – сказал он с заметной гордостью. – Так что обещаю вам – через три месяца вы будете стрелять если уж не как боги, то как ангелы смерти, это точно! – Полоснув взглядом стоящих перед ним людей, он спросил: – Кто мне ответит, что для снайпера важно в первую очередь?

– Попасть в цель, – вяло откликнулся Пятак.

Двадцатипятилетний блатной с короткими ногами. Парень бодрился, хотя Михаил был уверен, что он мандражирует, как и другие.

– Прежде чем попасть в цель, – назидательно поднял палец Сержант, – вы должны узнать вкус крови... Только так можно понять своего врага и... полюбить его! Кроме того, у вас должна отсутствовать всякая жалость и сострадание к

вашему врагу. Он для вас всего лишь цель, которую следует уничтожить.

Сержант ловко поднял козу и привязал ее к стволу дерева вниз головой. Бедное животное отчаянно заблеяло. Действия Сержанта были уверенными и быстрыми. Чувствовалось, что подобную процедуру он проделывал не однажды. Он вытащил из-за голенища нож и, широким взмахом перерезав животному горло, стал пить крупными глотками кровь.

– А теперь ты! – повернулся вдруг Сержант к застывшему Святому.

В эту минуту он напоминал вурдалака, выбравшегося из-под могильной плиты. Его лицо, перепачканное кровью, внушало ужас. Чертанов поймал себя на том, что в первое мгновение невольно слегка отпрянул от него.

Блатной нетвердой походкой подошел к животному и, согнувшись, сделал несколько глотков. Кровь капала на его лицо, пролилась за шиворот, но Герасим, казалось, не замечал этого.

– Ты! – остановился перст Сержанта на Чертанове. – Бегом!

Животное било в предсмертной конвульсии копытами, словно отбивалось от невидимого врага.

Михаил застыл, усиленно соображая, как следует поступить. Никогда бы не подумал, что подобное может входить в программу обучения.

– Бегом, я сказал! – крикнул Сержант.

Чертанов увидел в его глазах самую настоящую ярость. Он привык, чтобы его приказы исполняли беспрекословно.

Михаил шагнул к дереву и, вцепившись руками в холку козы, приложился к ране. Он почувствовал приторно-соленый вкус крови. Совершив насилие, Чертанов сделал один глоток, потом другой... Его едва не вывернуло наизнанку, но он сдержался. Утерев рукавом окровавленный рот, отошел от дерева.

– Завтра я приведу целое стадо коз. По одной на каждого. Следующий этап обучения не начнется до тех пор, пока вы не научитесь пить кровь. – Взгляд у Сержанта сделался немигающим. – Каждый должен вспомнить, какова на вкус кровь, прежде чем нажать на курок винтовки. Иначе из вас никогда не получится настоящих бойцов!

Михаил внимательно следил за Сержантом, прохаживающимся вдоль строя. Похоже, что он не шутил.

Неожиданно он развернулся:

– Не слышу криков одобрения.

В строю невесело заулыбались, принимая все это за шутку. Конечно, с этой козой Сержант немного переборщил, но можно сделать скидку на своеобразный солдафонский юмор.

Но, видно, Сержант был не из тех людей, что умеют расслабляться.

– Где крики одобрения? – злобно рявкнул он.

– Великолепно, – раздалось из строя.

Сержант остановился напротив Пятака, и тот, приподняв подбородок, отчаянно завизжал:

– Отличная идея!

Губы сурового наставника тронула ироническая улыбка.

* * *

Пошел второй месяц их проживания в лесном лагере. За это время Сержант действительно многому научил каждого из них. Стрельба в цель с расстояния в семьсот метров представлялась им теперь почти детской забавой. Сержант никогда не использовал мишени, вместо них употреблялись фотографии, на которых были запечатлены самые обычные люди. Следовало преодолеть психологический порог, чтобы выстрелить в располагающую улыбку женщины. Иногда мишенью служили дыни, наполненные красной краской. При попадании плод легко разрывался, разбрызгивая во все стороны алую сочную мякоть. По уверению Сержанта, нечто подобное происходит с головой, когда в нее попадает пуля. Зрелище не из самых приятных, но психику закаляло.

Сержант и в самом деле оказался большим специалистом. Видно, тот, кто его нанял, платил ему немалые деньги.

Чертанов никогда бы не мог заподозрить себя в особой сентиментальности, но в тот раз ему было очень жаль бедную козу. Он никак не мог стереть из памяти картину конвульсирующего животного. К тому же в голову беспрестанно

лезли самые невероятные мысли, от которых хотелось отгородиться доброй порцией алкоголя. Но в лагере царил сухой закон, и нарушать его было чревато – все помнили про двух исчезнувших курсантов.

Чертанов невольно поморщился, вспомнив вкус крови животного. Он буквально преследовал его. Даже когда он ел обыкновенный хлеб, у него возникало ощущение, как будто он макает его в блюде с кровью. А ведь в какой-то момент кровь показалась ему даже слегка сладковатой и не такой уж невкусной. Поначалу Михаил думал, что такое состояние испытывает только он один, но, к немалому удивлению, узнал, что нечто подобное ощущают и другие.

На соседних нарах ворочался Святой. Ему тоже не спалось. Месяц общения с Сержантом изрядно расцарапал ему душу. А ведь особо чувствительным блатного не назовешь.

– Послушай, Стрелок, – окликнул он Михаила, – Куда ты меня затащил?

– Ты же, кажется, хотел быть свободным, вот и терпи! – отозвался Михаил.

Герасим глубоко вздохнул. Чиркнув зажигалкой, закурил. На несколько секунд землянку осветило красноватым пламенем. Лицо Святого, и без того мрачное, сейчас выглядело каким-то зловещим.

– У меня такое впечатление, что он не в ладах с головой. Надо делать ноги, пока он нас не пришиб! Я не желаю больше пить кровь коз! Достал он этой кровью, – Святой скрип-

нул зубами. – Сваливать надо. Я покаяться хочу, от грехов очиститься. А то – Святой, Святой... Грешник я. Мне долго отмаливать грехи надо...

Чертанову уже не однажды приходила в голову подобная мысль. Вот только озвучивать ее он не решался.

– А тебе не кажется, что он пришибет нас сразу, как только мы наострим лыжи? – спросил Чертанов.

Святой сел на нарах, запалил свечу и, установив ее рядом на табурет, сказал:

– Все может быть. А только не верится мне, чтобы нас оставили в живых. Я как на этих «диких гусей» посмотрю, так меня мороз по коже пробирает! Как только мы сделаем свое дело, нас тотчас ликвидируют. Я думаю, что здесь не криминальные разборки. У блатных все как-то попроще будет, да и в организации такого размаха нет. Здесь большая политика! Борьба за власть. Нашими руками хотят убрать какого-нибудь политического туза, чтобы расчистить дорогу для кого-то другого. Втемную нас используют! Сам понимаешь, одно дело стрелять в фирмача, и совсем другое – палить в политика! Назревают какие-то межпартийные разборки, вот нас и втягивают в их орбиту. Хотят нашими руками проделать всю черную работу, а сами опять останутся в белых перчатках. Ведь сейчас время такое смутное... одна политическая элита сменяет другую. Мы уберем неудобного и даже слинять не успеем, как нас пристрелят! – возбужденным голосом объяснял Святой. – А потом где-нибудь за го-

родом обнаружат наши продырявленные тела. Тогда уж ни у кого сомнения не будет, что стреляли уголовнички. А политбомонд здесь как бы совершенно ни при чем. А заодно и покойника перед смертью можно дерьмом перепачкать. Сам-то за себя он ответить уже не сумеет.

Под пламенем свечи угловато бесновались тени, отчего слова Святого принимали какой-то особый демонический смысл. Ведь Михаил и сам не однажды думал о том же самом. Это еще раз доказывает, что у зэков необычайно остро развита интуиция.

– И что же ты предлагаешь?

Святой с силой раздавил сигарету о табурет и, повернувшись к Михаилу, сказал:

– Рвать нужно отсюда! И чем раньше мы это сделаем, тем лучше!

– Легко сказать... А ты не думаешь о том, что после этого они на нас спустят всех собак?

Святой порывисто встал:

– А я-то думал, что ваши своих в беде не оставляют. Думаешь, я не видел, как ты записочки под стол подкладывал? Наверняка за нами кто-то из твоих уже топает. А может, они уже где-то рядом? Или я чего-то не понимаю?

Снаружи послышался какой-то неясный шорох, потом раздался чей-то глуховатый голос. Чертанов невольно посмотрел на дверь. Вряд ли их подслушивают, но все-таки следовало быть осторожным.

– Давай поговорим об этом завтра, – предложил Михаил. – Этот долбаный Сержант наверняка опять что-нибудь придумает, нужно как следует выспаться.

День начался как обычно – с пронзительного крика Сержанта:

– Подъем, уголовнички!

Более отвратительного голоса Чертанов не слышал за всю свою жизнь, особенно остро это ощущалось по утрам.

Через несколько минут все собрались на небольшой площадке перед землянками. Там уже стояли Сержант и его подручные.

Окинув неровный строй суровым взглядом, Сержант отрывисто сообщил:

– Сегодня ночью из нашего лагеря ушло четыре человека. Весьма необдуманный поступок с их стороны. Хотя в какой-то степени их можно понять. Развлечений здесь, в лесу, никаких, жратва – так себе! Что сготовим, то и сожрем... Даже девочек нема. Но хочу напомнить, что каждый из вас давал обещание, что останется в лагере до окончания курсов. Следовательно, своим поступком они поставили себя вне закона! Причем вне закона дважды! Один раз перед государством, а в второй перед нами. – Помолчав немного, он со значением продолжил: – Я хочу сказать, что наша учеба продолжается. Правда, я никак не думал, что она может пойти в столь форсированном режиме. – Улыбнувшись, Сержант показал крепкие зубы. – Итак, даю вам десять минут на сборы.

С собой взять сухой паек и дополнительный боекомплект. Ваша цель – эта четверка. И предупреждаю, не следует приближаться к ним более чем на пятьсот метров! Каждый из этого квартета очень неплохой стрелок. Всем понятно? А теперь – расходись!

Глава 5

ПРАВО НА ОТСТРЕЛ

Чертанов был потомственным охотником. Ружье в его семье было такой же обыденной вещью, как ложка или, к примеру, сапоги. В семье было заведено, что, даже выходя во двор по большой нужде, они брали с собой карабин. Тайга-то за околицей! Михаил любил оружие и, как всякий охотник, верил, что оно наделено душой. Ему всегда приятно было ощущать его тяжесть, прикладывая щеку к отполированному прикладу, разбирать его, вдыхать запах оружейного масла.

Но одно дело охотиться на зверя, и совсем другое – целиться в оптический прицел в человека.

В этот раз ему придется охотиться на человека.

– Ты знаешь, кто убежал? – спросил Святой, топя следом за Чертановым.

– Знаю, что эти пацаны сплели лапти из воркутинской колонии, – ответил Михаил.

– Кто они такие?

– Все четверо служили в морской пехоте где-то под Владивостоком. Прекрасные стрелки! Чего-то у них там случилось... Они перебили караул и отправились на «вольные хлеба», прихватив с собой автоматы. Начальство подняло по тревоге целую дивизию, пытались их разыскать. Раза три да-

же окружали, но они всякий раз уходили, оставляя за собой трупы. Поймали их совершенно случайно: завалились как-то к леснику в избенку, а тот уже успел получить на них наводку, вот и напоил их «заряженной» водкой. А как морпехи вырубались, связал их как следует, да и отвез на телеге в гарнизон. Честно говоря, я очень удивлен, что они нас не прирезали.

– Это пожизненное, – уважительно сказал Святой.

– То-то и оно.

– Как же они выкрутились?

– А вот выкрутились... Кому-то заплатили, кого-то припугнули. У них откуда-то появились очень сильные покровители. Поэтому они и оказались здесь.

Местность, по которой они шли, была сильно заболоченной, сапоги с громким чавканьем проваливались в густую вязкую жижу, тревожа при этом тучи комаров.

– А мы правильно идем-то? – засомневался вдруг Святой. – А то, сам понимаешь, не в кайф делать крюк. И что-то я других не вижу.

– Мы с тобой впереди остальных идем, другие поотстали. А еще четыре человека в другую сторону свернули. Наверняка сейчас за ними «дикие гуси» топают, чтобы и эти ноги не сделали.

– А если все-таки попытаются? – не унимался Святой.

– Пристрелят! Для них это вроде забавы.

– А ты уверен, что мы правильно идем? За ними?

– Уверен! – убежденно заявил Чертанов. – Морпехи через границу ломанутся. Верняк! В России их тут же менты примут, едва они на шоссе выберутся! Если не менты, так братва, что еще хуже. Сержант уже наводку на них дал кому следует... Посмотри туда, – показал он пальцем, – видишь, кочка примята? Здесь они прошлепали! Часа три назад. Грамотно ребята поступают, след в след ступают!

– А ты глазастый. Откуда у тебя это?

– Разве я тебе не говорил? Я же из потомственных охотников, – не стал вдаваться в детали Михаил.

Чертанов не сумел бы ответить, откуда у него такая уверенность, что именно этой дорогой проследовали четверо беглецов. Просто знал, и все! Таким вещам не учат, их впитывают с самого рождения, как родную речь. Чертанов всегда необыкновенно остро ощущал связь с природой, представляя себя с ней единым целым. И если контакт неожиданно ослабевал, то, следовательно, назревала какая-то нешуточная опасность. Нечто подобное он ощутил и сейчас.

Михаил остановился и вытянул вперед ладони. От травы, по которой совсем недавно прошли люди, исходил слабый электрический ток, неприятно щекотавший кожу.

Но самое главное было в том, что он уловил едва заметный запах, который мог немало поведать о своем хозяине.

Чертанов наклонился и понюхал следы. Здесь прошел не один человек, вне всякого сомнения!

Чертанову не однажды приходилось убеждаться в том, что звери пахнут по-разному. Чаще всего это связано с состоянием, в котором они пребывают. Голодный зверь пахнет резко, с какой-то неприятной горчинкой. От следов сытого зверя отдает откровенной сладостью. Но запах напуганного зверя значительно отличается от всех прочих своей резкостью и способен распространяться на значительные расстояния. При этом он делается необыкновенно летучим и легко пропитывает одежду.

Запаха злобы Чертанову улавливать не приходилось, но тут он вдруг понял, что кисло-приторный запах может исходить от людей, заряженных яростью.

Михаил выпрямился.

– И что же ты там унюхал? – с иронией спросил Святой.

– А ты зря насмехаешься. Понюхай, многое можешь учуять, – серьезно отреагировал Чертанов. – Ясно одно, что просто так они не дадутся. Так что пристрелить их будет за благо.

– Третий, где вы находитесь? – раздался в наушниках голос Сержанта.

– В квадрате Б-2.

– Значит, по болоту топаете? Отлично! Эти подонки где-то рядом с вами. Сейчас вы пройдете болото и соединитесь со вторым отрядом. Как меня слышите?

– Слышим хорошо. Выходим из болота и соединяемся со вторым отрядом.

Они не прошли и двухсот метров, когда увидели впереди двух человек, стоящих около небольшого озера.

– Вон они, – удовлетворенно протянул Чертанов. – Степа Беленький и Толя Амбал.

Одетые в маскхалаты «гиллес», Беленький и Амбал практически сливались с пейзажем, и только комариный рой, вившийся вокруг, выдавал их присутствие.

За прошедший месяц со Степой Беленьким у Михаила установились почти приятельские отношения. Но вот с Толиком Амбалом отношений как-то не получалось. Чувствовалось, что человек он непростой. Бескомпромиссный характер блатного выдавал строгий взгляд, которым он буквально полосовал по лицу каждого, будто заточенным клинком.

– Ноги нужно делать отсюда! – высказался Степа Беленький, когда подошли Чертанов со Святым. – Пока нас этот Сержант совсем не уделал. Видел я на своем веку немало зверей, но этот хуже всех будет!

– Я родом из этих мест. Отсюда километров через двадцать будет финская граница, – сказал Толик. – Пересечь ее, и все! Свобода! Что ты об этом думаешь? – прищурившись, посмотрел он на Чертанова.

– Я так же думаю, – как можно убедительнее произнес Михаил, – если этот Сержант не завалит нас, то это сделают за него немного позже другие. Но сейчас не время уходить, можно напороться на морпехов, а уж они точно никого не

пожалуют!

Степа Беленький кивнул:

– Но в целом ты не против?

– Нет.

– Ладно, тогда поговорим об этом позже.

– Верно, давай сейчас о деле. Мы идем прямо за ними, – уверенно высказался Чертанов. – Они тоже наверняка знают, что мы топаем за ними по пятам. А это такие ребята, что палец в рот не клади! Сейчас у нас с Сержантом одна задача – надо достать их! А дальше как фишка ляжет, – добавил он со значением. – Вот такая она, диалектика.

Постояв, двинулись дальше.

– Они от вас метрах в шестистах, – вновь услышал Чертанов в наушниках голос Сержанта. Оставалось только удивляться его осведомленности. А может, вокруг лагеря установлены датчики и микрофоны? – Эти твари знают, что вы идете за ними. Они решили подготовить для вас сюрприз. Будьте осторожнее и не наделайте глупостей. – После чего добавил с некоторым задором: – Веселое дело вас ожидает, хлопцы!

– Не сомневаемся.

Сержант был словно призрак, который появлялся из ничего и так же растворялся среди болот. Попробуй предскажи, в каком именно месте материализуется этот дьявол!

– Сержант? – спросил Толик.

Чертанов хмыкнул:

– Он самый. Находится где-то рядом. Мне кажется, что он сам может подстрелить этих морпехов, но ждет, чтобы эту работенку выполнили мы.

Степа поморщился:

– Он устраивает нам выпускной экзамен.

– У нас нет выбора, если мы не убьем их, Сержант пристрелит нас, – буркнул Амбал.

– Все верно! – сказал Чертанов. – Ну, чего мы стоим? Вперед! Будем идти двумя группами. Я со Святым пойду вот по этой тропе, а вы пойдете с той стороны. От нас метров за сто. Поддерживаем связь. Пошли!

Вот она, маленькая война. Вот они, стандартные условия: если ты не убьешь врага, тогда он обязательно уничтожит тебя. Следовало быть хладнокровным, как пресмыкающиеся, однако спокойствие давалось с трудом. И добрая порция адреналина, пущенная в кровь, вновь и вновь заставляла учащенно биться сердце.

Чертанов вдруг понял, что охота за человеком представлялась ему куда более увлекательным занятием, чем охота на дикого зверя. В какой-то степени даже самый коварный зверь во многом предсказуем, а человек, наделенный гибким мышлением, всегда склонен к нестандартным решениям, которые всегда трудно предугадать.

Чертанов попытался отключить сознание и довериться только инстинкту охотника, который в минуту опасности необычайно обострялся. Ноги как будто сами указывали до-

рогу, сворачивали в нужном направлении. Изредка наклоняясь, Чертанов вдыхал запах, витавший над тропой. Он чувствовал, как в носоглотку ударяет острый дух. Нечто подобное испытывает собака, когда бежит по следу.

Четверка беглецов явно занервничала. Ярость сменилась нешуточным страхом.

– Далеко еще? – спросил Святой.

За прошедшие несколько часов он успел убедиться в охотничьих талантах Чертанова и теперь смотрел на него с заметным уважением.

– Еще километра два с половиной, – сказал Михаил. – А потом мы увидим их. По такому кочкарнику не очень-то разбежишься.

– Тогда поторопимся.

Беглецов Чертанов увидел в тот момент, когда впереди показалась опушка леса.

– Они тут, – уверенно сказал Чертанов, посматривая по сторонам.

Впереди шевельнулся куст – и это при абсолютном безветрии! Где-то внутри холодно заныло. Вот он, механизм предчувствия! Достаточно оказаться рядом со смертельной опасностью, как тотчас обостряются все чувства. И попробуй объясни физиологическую природу этого!

Стараясь унять волнение, Чертанов навел винтовку на цель. Михаил вдруг осознал, что это ни с чем не сравнимое чувство, когда смотришь на человека через оптический

прицел. Начинаешь ощущать себя едва ли не Создателем... Впрочем, нет, дьяволом, который запросто может забрать жизнь.

Чертанов узнал человека, затаившегося за кустом. В отряде он получил кличку Акула. Если присмотреться к нему повнимательнее, то в нем действительно было что-то от этой страшной морской твари. Парень всегда сверкал своей белозубой улыбкой, но при общении с ним думалось, что зубы ему нужны для того, чтобы рвать горло противнику.

Интересно, для кого же в этот раз он приберег свои клыки?

Через несколько секунд на опушке показался еще один человек. Повернувшись, он что-то сказал своему напарнику, и тот обернулся.

Ага! Они заметили Степу Беленького и Толика Амбала, выходящих из леса.

Странное это чувство – наблюдать за человеком через оптический прицел винтовки. Вот он что-то говорит, улыбается. Но совершенно не подозревает, что следующие мгновения уже будут протекать без его участия. Мир не остановится, просто на земле на одного человека станет меньше. И ничего тут не поделаешь, таков закон выживания.

Дальномерная шкала оптического прицела указывала, что до цели пятьсот пятьдесят метров. Чертанов сделал необходимую поправку. Он вдруг почувствовал, что через какую-то секунду Акула выстрелит, снайпера следовало опере-

дить. Правда, был риск, что после того, как пуля сразит его, он может рефлекторно нажать на курок и застрелит Степу Беленького.

Чертанов быстро соображал. С такого расстояния выстрел должен быть идеальным. Пуля должна попасть в продолговатый мозг, соединяющий кору больших полушарий со спинным мозгом. Подобное попадание исключает всякое рефлекторное движение. Вот только точка, куда надо попасть, необыкновенно мала, в диаметре всего лишь два с половиной сантиметра, и находится она между носом и зубами.

Стараясь опередить Акулу, Михаил затаил дыхание и плавно нажал на спусковой крючок. Приклад винтовки привычно ударил в плечо, и Чертанов увидел, как враг уткнулся лицом в землю, позабыв о враждебных намерениях.

Его напарник сообразил быстрее, чем следовало предположить. Он попытался отползти назад, пытаясь уйти от невидимого снайпера. Голову он предупредительно прятал в густой траве. На какие-то мгновения мелькнула его спина и тотчас затерялась.

– Ты видишь что-нибудь? – поинтересовался Чертанов у Святого.

Блатной отрицательно покачал головой:

– Абсолютный голяк! Но он где-то здесь. Отполз, сука! Сейчас возьмет и шарахнет между глаз.

– Давай отойдем к тем кустам!

Чертанова не покидало ощущение, что в этот момент он

сам сделался объектом наблюдения. Подобное чувство знакомо всякому охотнику, когда за ним из засады наблюдает коварный и жестокий зверь. Это и есть та самая телепатическая связь, что связывает охотника и его жертву. Какая-то неведомая сила заставила Михаила вжаться в землю, и тотчас над головой тонко и коротко пропела пуля, срезав толстый сук.

В наушниках раздался размеренный голос Сержанта:

– Молодец, сумел среагировать. Значит, не прошла моя наука даром. Если тебя сегодня не убьют, то толк будет. А теперь попробуй определить, где он. Советую не поднимать голову, он держит твое местоположение под прицелом.

Сержант находился где-то рядом и как господь бог наблюдал за смертельным поединком своих нерадивых сыновей. Чертанов, вжавшись в землю, стал понемногу отползать в сторону. Старался двигаться поаккуратнее, чтобы не побеспокоить чуткую осоку, в которой он лежал.

Вот он, снайперский поединок. Побеждает тот, кто окажется более хладнокровен и выдержан. В отличии от пехотинца снайпер всегда видит своего врага и даже выбирает на его теле наиболее уязвимое место, чтобы уничтожить наверняка.

– Давно я не наблюдал за таким любопытным зрелищем, – вновь раздался в наушниках довольный голос Сержанта. – Вижу, что я кое-чему тебя научил. Тебе помочь или справишься без моего участия?

В маскировочном костюме было жарко. Пот обильно заливал глаза. Хотелось вытереть намокший лоб, но шевелиться было нельзя.

– Как-нибудь справлюсь, – сдержанно ответил Чертанов.

– А ты молодец, – одобрительно протянул Сержант. – Не ожидал! Теперь вижу, что ты настоящий боец.

– Спасибо за комплимент, – хмуро ответил Чертанов.

Интересно, где же мог засесть этот чертов Сержант? Михаил посмотрел по сторонам. Вокруг ничего примечательного, если не считать пригорка, заросшего густым березняком. Он мог спрятаться только там. Больше нигде! Причем с этого места он видит их всех.

Ага, вот он где! На гранитной глыбе, торчащей из болота.

И тут Чертанов увидел еще двоих беглецов, которые осторожно двигались вдоль пригорка сопки. Маскхалаты цвета болота четко контрастировали на фоне зеленой травы. Идущих можно было не заметить, если бы они не двигались. Застывшие фигуры запросто можно было бы принять за рыжие пятна выгоревшей травы. Но сейчас они допустили ошибку, возможно, самую роковую в своей жизни.

Еще два точных выстрела, и морские пехотинцы рухнули.

– Ловко ты их снял, – раздался сбоку восхищенный голос Святого. – Я бы так не сумел.

– Учись! – буркнул Михаил.

Чертанов продолжал выискивать в оптический прицел удалявшегося снайпера. Вот в центре поляны колыхнулась

трава. Может, проскочил какой-то зверь? Прижав поплотнее приклад к щеке, Чертанов почувствовал его прохладу. Стебли травы колыхнулись еще раз. Сомнений быть не могло, такое происходит только в том случае, когда ползет человек. Кажется, он решил делать ноги от стремного места.

Чертанов терпеливо ждал. Через какое-то время снайпер обязательно должен поднять голову, чтобы сориентироваться. Не может же он ползти в неизвестность!

Михаил поймал себя на том, что принялся считать, решив, что снайпер приподнимет голову над травой еще до того, как он произнесет цифру сто.

– Шестьдесят три... Семьдесят четыре... Восемьдесят два... – терпеливо считал Чертанов.

В этот момент он увидел, как над травой поднялось какое-то рыжее пятно. Голова в капюшоне маскхалата выглядела совершенно бесформенной. Чертанов мгновенно навел ствол карабина в основание пятна. И тотчас нажал на курок. Голова тут же уткнулась в густую траву.

Еще одно правило снайпера – никогда раньше времени не торжествуй победу. И ни под каким предлогом не обнаруживай свою позицию. Всегда существует вероятность, что в это самое время напарник врага ведет за тобой наблюдение.

Чертанов метр за метром осматривал поляну через оптический прицел. Все тихо. Не шелохнется даже веточка.

– Чего ты? – спросил в нетерпении Святой.

– Обождем, – уверенно сказал Чертанов, не желая дове-

рять тишине. – Может, кто-то из них выжил.

Немного в стороне, как раз в том месте, где расположились Беленький с Амбалом, Чертанов увидел, как дрогнула ветка. Парни нервничали и хотели как можно быстрее подняться. Их сдерживала только нерешительность Чертанова, который продолжал лежать неподвижно.

А это еще что за дела?

Метрах в тридцати перед собой Чертанов увидел разрыхленный грунт. То, что он принимал за небольшое болотце, оказалось засыпанной ямой, из которой торчали обрывки ткани.

Захоронение!

Все встало на свои места. Сержант как-то обмолвился о том, что существовала еще одна группа снайперов. Вот только он ни слова не проронил о том, куда же она потом подевалась. И ведь не случайно блиндажи обжиты. Тогда он не придал этому особого значения. Подумалось, что землянками пользовались охотники. А теперь понимал, что всех жильцов блиндажа переселили в эту неглубокую яму посреди топи. Поэтому так спешно набирали еще одну группу. Видно, эти чем-то не угодили руководству или устроили бунт. Уголовники – народ трудноуправляемый. Вот от них и решили избавиться, как от ненужных свидетелей. Ничего удивительного, слишком высоки ставки в игре.

Это открытие настолько взволновало его, что он не сразу заметил, как от леса отделилась какая-то фигура и двинулась

в их сторону.

– Сержант, – удивился Святой. – Идет прямо к нам. Не нравится мне это. Что ему надо?

Степа Беленький и Толик Амбал, лежавшие неподалеку, поднялись. Оставалось непонятным, каким это образом Сержанту удалось так ловко прятаться, находясь совсем рядом с ними.

Этот старый вояка был настоящим дьяволом!

Сержант шел спокойно и очень легко. Казалось, что он просто парил над кочкарником. На лице располагающая улыбка. Ничего зловещего. Страх, которым он держал в узде отряд, остался где-то в расположении лагеря, и теперь Чертанов видел перед собой только доброго старшего товарища.

Ему не хотелось быть убитым, тем более сейчас. Выживает тот, кто обладает большей интуицией, проницательностью.

Чертанов четко осознал, что тот идет убивать его. А все потому, что он невольно прикоснулся к тайне, знать которую им не полагалось. И тайна эта находится всего лишь на расстоянии нескольких метров от него и погребена в яме среди топи. А не застрелил Сержант своего воспитанника раньше только потому, что не сумел рассмотреть его в густой траве.

– Молодчина, четвертый, – вновь прозвучал в наушниках бодрый голос Сержанта. – Папа доволен тобой. Из тебя выйдет толк. Поднимайся!

Последнее слово прозвучало несколько требовательнее,

чем следовало бы. Выдавать себя не следовало. Интуиции больше не требовалось, теперь он физически ощущал опасность, исходившую от Сержанта. Стоило только поднять руку, как по ней пробежит электрический разряд. Чертанов чувствовал, что ненависть, исходившая от фигуры Сержанта, была такой силы, что запросто могла потягаться с шаровой молнией.

Реальность была такова – Сержант не собирался оставлять в живых никого из присутствующих. Но сначала ему следовало разделаться с Чертановым как с наиболее подготовленным снайпером. А расстрелять остальных для него – мальчишеское баловство.

Сержант шел открыто. Походкой, улыбкой, ровным голосом давал понять, что он является воплощением доброжелательности. Вот только поверить в эту искренность мешал его указательный палец, который покоился на спусковом крючке.

Расстояние между ними продолжало сокращаться. Через каких-то двадцать шагов Сержанту уже не нужно будет строить из себя воплощенную добродетель. Увидев спрятавшегося в траве Чертанова, он неуловимым движением вскинет винтовку и выстрелит.

Михаил, продолжая лежать в траве, слегка приподнял винтовку. Раскрашенная под цвет травы, она была совершенно незаметна. Стоило лишь нажать на курок, и Сержант будет мертв.

Вот оно – лицо войны, которое не всегда выглядит ужасным.

В снайперской войне можно рассмотреть на лице врага каждую морщинку. Как же она не похожа на рукопашную схватку, где люди сходятся насмерть. Там нужно убить, чтобы выжить, а следовательно, психология подобного сражения совершенно иная.

Нет, это не должно быть убийство. Предстоящее должно превратиться в некое подобие дуэли. Сержант заслужил, чтобы его убивали в равных условиях, а не как кабана, откуда-нибудь из засады.

Чертанов слегка приподнялся, обнаружив свое местоположение. И тут же увидел, как Сержант плавным движением стал приподнимать винтовку. Через какой-то миг ствол винтовки остановится на уровне его груди, и тогда конец!

Стиснув зубы, Чертанов нажал на курок.

Пуля угодила в левую половину грудной клетки, швырнув Сержанта на землю. Винтовка, которая выглядела как продолжение его рук, теперь валялась в стороне.

– Ты его уделал! Бля буду, уделал! – воскликнул потрясенный Святой.

Трудно было сказать, каких именно эмоций в его голосе было больше: откровенного страха или щенячьего восторга.

– Кажется, да, – тихо согласился Чертанов.

Поднявшись, Чертанов увидел, что к нему подходят Беленький и Амбал.

– Ну, ты молоток! – восхищенно протянул Степа Беленький. – Теперь нас ничего не связывает. Мы теперь через границу махнем. Все! Навоевались! Теперь нас ничто здесь не держит. Вы с нами? Решайтесь! – с каким-то нажимом поторопил он. И, заметив некоторую нерешительность Чертанова, расценил ее по-своему: – Стрелок, без базара, все будет о'кей! Теперь у нас есть настоящая специальность. С ней мы ни за что не пропадем! А с твоими талантами, так и подавно!

Михаил отрицательно покачал головой:

– Нет... У меня другие планы на жизнь.

– Жаль... Из нас получился бы весьма неплохой квартет.

Ладно, мы пойдем, авось когда-нибудь увидимся.

Кивнув на прощание, Степа вместе с Амбалом двинулись к лесу. Двигались они очень медленно, прямиком через кочкарник, не без труда преодолевая топкую вязущую среду. Чертанов не сомневался в том, что через короткое время парни заявят о себе заказными выстрелами.

Какую-то минуту Чертанов боролся с искушением, а не отправить ли им вдогонку по порции свинца? Рука с винтовкой, как будто вопреки его воле, поднялась. Совсем небольшое усилие, и ствол остановится на середине груди. Но неожиданно рука его ослабла, и ствол винтовки опустился.

– Ты не хочешь взглянуть на него? – неожиданно спросил Святой.

– На кого? – не понял Михаил.

– На Сержанта.

– Пойдем, – согласился Чертанов.

И устало шагнул в сторону упавшего снайпера. Сержант лежал на краю поляны. С левой стороны груди расплывшееся пятно. Именно на этом уровне располагалась диафрагма. Чертанов рассчитывал, что Сержант будет лежать с открытыми глазами, ведь смерть должна быть мгновенной. Пулевое ранение подобного типа – шок для периферической нервной системы, а потому у человека не остается сил даже для того, чтобы прикрыть глаза.

Сержант лежал, разбросав руки в стороны. Голова, откиннутая слегка набок, спряталась в густой растительности. Михаилу очень хотелось заглянуть в его неподвижные глаза. Но мешали широкие стебли папоротника, будто предусмотрительно оберегавшие Сержанта от чужого взгляда.

Наклонившись, Михаил отодвинул стебли папоротника и, к своему немалому удивлению увидел, что веки у Сержанта были опущены.

– Ну, чего стоишь? – неожиданно поторопил его Святой. – Пойдем отсюда. Чего на покойника-то смотреть!

Чертанов выпрямился и, не сказав ни слова, направился за Святым. Кажется, стажировка подошла к концу.

Глава 6

СНАЙПЕРСКИЙ ВЫСТРЕЛ

Лучшего места для точного выстрела подыскать было невозможно. А все потому, что пожарная каланча возвышалась над окрестностями почти на пятьдесят метров и своей вертикалью подавляла низкорослые «хрущевки». Каланча была одной из главных достопримечательностей городка, ее построили еще в начала прошлого века. Но, несмотря на столь преклонный возраст, выглядела она вполне сносно. Иногда в тесноватых помещениях каланчи проходили какие-то плановые учения пожарных расчетов, а иной раз вокруг нее толкалась молодежь. В остальное же время хозяевами башни оставались голуби, которые гулко ворковали под покатой крышей.

Со смотровой площадки пожарной каланчи прекрасно просматривалась магистраль, пролегавшая в трех километрах от города, небольшой стадион, где местная пацанва играла в футбол, и средняя школа, территория которой была огорожена декоративным металлическим забором. К школе, слегка петляя, шла узенькая асфальтовая дорога. Собственно, именно она и представляла интерес для Сержанта. Вряд ли Валерий Бабичев пожелает въезжать на территорию школы в собственном лимузине. Слишком уж как-то по-жлобски это будет выглядеть! Наверняка он оставит машину пе-

ред воротами и в сопровождении телохранителей направится в сторону школы.

Вне всякого сомнения, что его уже будут ждать. В конце концов, не столь часто в обычную школу являются люди всероссийского масштаба. Директор организует что-то вроде праздничного вечера, на котором будут выступать учащиеся школы, а затем будет нечто вроде званого обеда – как-никак благодетель приехал, компьютеры привез! Все эти почести Бабичев будет принимать терпеливо. Подобное чествование ему не в диковинку, к мероприятиям такого рода он успел привыкнуть и поднатореть в ответных речах. Сейчас он уже достиг того уровня, что мог спокойно накормить целый регион. А потому парочка компьютеров родной школе, где десять лет провалял дурака, ни в коей мере не отразится на его бизнесе. А, кроме того, подобная акция только добавит ему дополнительных очков в общественном мнении. В настоящее время имидж – тот же самый капитал. Так что каждая потраченная копейка все равно принесет доход. А потом в деловом кругу, добавив немного стеснительности в голос, можно сделать признание – дескать, возвращаюсь сейчас с одного мероприятия, покровительствую родной школе, что в люди вывела.

Благодетелей в России любили во все времена, а поэтому спонсора не отпустят до тех пор, пока с ответным словом не выступят и директор, и завуч по учебной работе. Они станут нахваливать человеческие качества своего бывшего ученика

и превозносить его выдающиеся способности.

А вот последнее самое забавное. Ибо талантами Бабичев никогда не блистал, а в двух последних классах появлялся крайне редко и большую часть времени проводил не за учебниками, а в густых кустах сирени на задворках школы, где играл в «свару» с такими же нерадивыми учениками, как и он сам.

Чаще всего он выигрывал, потому что обладал способностями к карточной игре, он имел гибкие пальцы, такие бывают разве только что у профессиональных пианистов, что очень способствовало совершенствованию его игроцкого мастерства. Собственно, в это время он и начинал свою карьеру каталы. Именно тогда он почувствовал вкус к легким деньгам. К окончанию школы у Бабичева уже скопился небольшой стартовый капитал, который он вскоре и пустил в дело.

В бизнесе Валерий Бабичев был настоящей хищной акулой. Он всегда уверенными шагами двигался к намеченной цели, не выбирая при этом средств. Причем нужно быть настоящим гением, чтобы кинуть на большие деньги десятка два уважаемых и весьма влиятельных людей и при этом остаться не только в живых, но и сохранить с ними едва ли не дружеские отношения. Других отстреливают и за более мелкие проступки. А Бабичев свободно, всего лишь в сопровождении двух телохранителей, разгуливает по московским улочкам и душевно улыбается на разного рода презентациях.

У каланчи было еще одно важное достоинство. Рядом с ней находилось трехэтажное здание, в котором шли ремонтные работы, а потому на случайных людей в затертой спецовке здесь внимания не обращали. Можно хоть целый день шарaxаться с кувалдой на плече, и никто даже не поинтересуется, кто ты и куда направляешься.

Поначалу у Степана возникал вопрос, каким же образом незаметно пронести винтовку на пожарную каланчу. Право, не в мешке же ее волочить! Но затем выход был найден: он заказал футляр, какие обычно используют для измерительных приборов, чтобы ни у кого не возникло вопросов: «Чего это ему вдруг понадобилось на каланче?» И попробуй разберись, что прячется в темном нутре футляра.

На каланче Степан Юрьев побывал заранее. В первую очередь проверил чердачное помещение, примерился, откуда будет удобнее сделать выстрел. На толстых потемневших от времени балках, под крышей, нервно клокотали голуби, а под подошвами негромко хрустел пересохший помет; в углу лежал мешок с песком – идеальная опора для винтовки. Закрыв чердачное помещение на замок, Степан ушел, чтобы вернуться сюда на следующий день, но уже с винтовкой.

Старенькую «шестерку» (какая же еще машина может быть у обыкновенного работяги!) Степан оставил метрах в пятидесяти от каланчи. Предполагалось, что после выстрела он в рабочей одежде и с пустыми руками должен вернуться к машине неторопливым шагом.

Сержант посмотрел на часы. Половина второго. До назначенного времени – тридцать минут. Собственно, не так уж и много, чтобы подготовиться к выстрелу. Можно было прийти немного пораньше, но Степан совершенно точно знал, что Бабичев появится в строго назначенное время. Точность, пожалуй, единственное качество, которое тот приобрел в бизнесе.

Закрыв машину, Степан положил на плечо футляр с винтовкой и направился в сторону каланчи. Уверенно распахнув дверь, он вошел в ее нижнее помещение. В ноздри ударил запах пыли. Через приоткрытую дверь падал луч света, светлым продолговатым пятном он застыл на лестничной площадке. Вот теперь можно перевести дух. Сняв с плеча футляр, Степан осмотрелся. Никого. Собственно, так и должно быть, – не самое благоприятное место для отдыха. По мере продвижения вверх становилось все темнее. Но Юрьев предпочитал не пользоваться фонарем, следует мобилизовать внутреннюю энергию, а уж она не позволит споткнуться. Степан не однажды подмечал, что именно такая глубинная мобилизация позволяет ему в абсолютной темноте перешагивать ямы и обходить расставленные ловушки. Важно уметь заглянуть в себя и отыскать источник, дающий силу. А сегодняшний случай – пустяк! Он уже трижды поднимался по этой лестнице, а потому помнил ее до последних шероховатостей на перилах.

Выставив руку вперед, Сержант безошибочно определил

расположение двери. Слегка скрипнув, она распахнулась. В носоглотку ударил густой запах птичьего помета, и Степан почти физически почувствовал, как зловонная пыль осела где-то на стенках трахеи. Весьма неприятное ощущение.

В помещении царил полумрак. То, что нужно для идеального выстрела. Человек, спрятавшийся в тени, виден не будет, а потому можно без спешки подготовиться к выстрелу.

В позапрошлый раз Степан принес на каланчу крепкий раскладной стол. Теперь стол следовало подвинуть к окну, а на подоконник, для упора, положить мешок с песком. Лучшей позиции подобрать просто невозможно.

Закрыв дверь на задвижку, Степан подошел к окну. Внизу, в трехэтажке, как и прежде, шли работы: в дальнем конце двора варили трубы, а немного левее от самого входа в каланчу двое рабочих копали канаву. «Все заняты своим делом, что ж, и мне тоже не стоит терять времени».

Открыв футляр, он осторожно вытащил винтовку. Сержант владел всеми видами снайперских винтовок. Он прекрасно разбирался в преимуществах той или иной, отмечал недостатки. Но в силу какого-то внутреннего убеждения, прочно засевшего в подсознании, он предпочитал общаться с трехлинейными винтовками, считая их наиболее удобными в работе. Капитан Мосин, русский артиллерийский офицер, толк в оружии знал, а потому сумел создать такую винтовку, которой с успехом пользовалось не одно поколение стрелков. Предельно простая в конструкции, она была одно-

временно очень надежной. Как раз для подобного случая.

На прикладе винтовки была прикреплена небольшая металлическая табличка «1939 год. Тульский завод». Весьма примечательная дата. На следующий год началась финская кампания, и, судя по зарубкам, что были нанесены на прикладе, хозяин этой трехлинейки проявил себя с самой лучшей стороны. Ясно одно – она принадлежала финскому снайперу, красноармейцы обычно вырезали на прикладе звезды. Степан однажды посчитал число зарубок, их оказалось шестьдесят три. Весьма неплохой показатель. Вот только неясно, какой оказалась судьба обладателя этой винтовки? Не то он сгинул в одном из рейдов по советским тылам, не то продал винтовку за ненадобностью после войны. Но ясно одно, что после 1939 года она не отдыхала даже дня, щедро разбрасывая горячий свинец в правого и виноватого.

Степан укрепил оптический прицел на ствольную коробку. Затянул запирающий винт, теперь – винты вертикальной регулировки. Приподняв винтовку, он посмотрел вдаль в узенький переулок между двумя типовыми домами. Именно здесь должен будет остановить свою машину Бабичев. Расстояние до цели девятьсот метров – как раз для настоящего выстрела! Только после этого Сержант вставил в магазин патрон. Другой патрон положил рядом с мешком, так, на всякий случай. Обойму заряжать не стал. Ни к чему. Настоящий снайпер обязан поражать цель первым же выстрелом.

Вот теперь можно навинтить глушитель.

Глушитель Степан соорудил сам, проверив его качество в подмосковном лесу. Выстрел из винтовки напоминал теперь треск сломанной ветки. Так что вряд ли кто услышит выстрел, разве что воркующие голуби.

До назначенного времени оставалось десять минут. Где-то в недрах школы наверняка царит небольшой переполох и школьники получают последние инструкции строгих учителей, которые не желают опростоволоситься перед щедрым спонсором.

А вот и машина, черный «Мерседес»! Степан вспомнил одного сослуживца, с которым воевал в Косове. Тот обладал феноменальным зрением и никогда не пользовался оптическим прицелом, что не мешало ему с расстояния в триста метров попадать в сердцевину яблока. А на такой дистанции он бы только прищурил глаза, чтобы не дать цели размыться. Машина остановилась точно в том месте, которое высчитал Степан, – перед воротами, и это несмотря на то, что ворота были гостеприимно распахнуты. Задняя дверца отворилась, и из нее вышел мужчина лет тридцати – тридцати трех, высокий, худощавый. Степан хотел рассмотреть на его лице какие-то следы величия или нечто похожее, что указывало бы на его принадлежность к большим деньгам. Однако ничего не находил. Ровным счетом! Скорее всего, он напоминал подростка озороватого мальчишку, склонного ко всяким шалостям. Где-то внутри Сержанта родилась жалость, которую он тотчас подавил усилием воли. Сквозь оптиче-

ский прицел человек воспринимается всего лишь как цель, а потому не должен вызывать никакого сострадания. Иначе подобные эмоции могут помешать точному выстрелу.

Степану Юрьеву неоднократно приходилось слышать, что между снайпером и жертвой устанавливается какая-то связь. Возможно, это соответствует действительности. В противном случае как же тогда объяснить тот факт, что порой жертва, не подозревая о спрятавшемся в засаде снайпере, нагибается в тот самый момент, когда он нажимает на спусковой крючок. И пуля, казалось бы посланная точно в лоб, проходит над головой.

Повернувшись к охране, Бабичев что-то сказал. Очевидно, что-то смешное, потому что охрана весело заулыбалась. Достаточно было всего лишь одного взгляда, чтобы понять, что охрана боготворит его, и не только потому, что охранники видят в боссе источник своего материального достатка, а еще потому, что считают его человеком неординарным.

Сержант отчетливо различал каждую морщинку на лице Бабичева. Правильные черты лица, безукоризненно белые зубы, он видел радужку его глаз, острый подбородок, слегка выступающие скулы. В общем-то, рядовая внешность, ничего зловещего или отталкивающего. По фигуре было заметно, что большую часть свободного времени Бабичев проводит на свежем воздухе и в спортивном зале. Видно, рассчитывает жить долго.

Охрана привычно заняла свои места по сторонам от ше-

фа и, чуть поотстав, последовала за ним. Один из охранников осмотрелся цепким взглядом. В какой-то момент Степану показалось, что он смотрел прямо на него. Внутри неприятно екнуло – неужели он заметил отблеск прицела? Но уже в следующую секунду охранник отвел взгляд и заторопился следом за остальными.

Одно дело палить в тире, когда мишень представляет собой всего лишь фанеру с нарисованными кругами, и совсем другое дело, когда знаешь, что стрелять предстоит не в бесполое существо, а в человека, имеющего биографию, детей, родственников, в человека, связанного с этой жизнью десятком прочных нитей. И не всегда бывает так, что лучший стрелок – отменный снайпер. Требуется немало потрудиться над собой, чтобы выстрелить в человека. Снайпер – это всегда немного сверхчеловек, способный не только заблокировать собственные чувства, но и увидеть в другом человеке всего лишь подвижную цель.

По собственному опыту Степан знал, что первый выстрел в человека дается с большим трудом, потом появляется некоторая привычка. А с приобретением солидного опыта некоторые снайперы и вовсе получают от меткого выстрела чувство удовлетворения, словно от хорошо исполненной работы.

Валерий Бабичев обогнул капот машины и быстрым шагом направился в сторону распахнутых ворот. Ровно через три секунды он скроется во дворе школы. А там, под покровом

вом густой листвы, он делается неуязвим.

Сержант поплотнее прижал винтовку к плечу. Все должно происходить естественно, никаких дополнительных энергозатрат, сознание обязано быть полностью свободным. На секунду Степан представил себя сидящим за столом и держащим в руке ложку, напряжение как бы само собой улетучилось. Прием нехитрый, но действенный.

Степан хотел отыскать в лице Бабичева нечто похожее на признаки близкой смерти, но ничего не увидел. Только лицо волевого человека, уверенного в собственных силах. Именно таким Сержант и представлял его себе.

Сейчас Степан был богом. Если в силах всевышнего даровать жизнь, то Степан способен был небольшим усилием указательного пальца отнять ее. Решение было принято, а вместе с ним к Степану вернулся покой. Ощущение было знакомым. Где-то в середине груди образовался небольшой кусочек льда. Через мгновение он начнет таять и заморозит все его чувства, человек, находящийся в перекрестье прицела, будет восприниматься не более как очередная мишень, лишенная каких бы то ни было признаков личности.

Степан ощутил на щеке успокаивающую прохладу приклада. И сделал неглубокий вдох. Он ощутил, как обострился слух, казалось, что он слышал даже дыхание голубей на крыше. Зрение обострилось тоже, и Сержант был уверен, что даже без прицела сумел бы рассмотреть на лице Бабичева малейшую подробность. Дыхание стало ровным и спокой-

ным. Степан был уверен, что он родился именно для этой работы и вряд ли кто-то еще сумеет сделать ее лучше, чем он. Его концентрация достигла наивысшего предела. Снайпер отыскал на лице объекта точку между носом и верхней губой.

Прочь все сомнения, они мешают работе!

Пора.

Степан мягко потянул спусковой крючок и тотчас увидел, как голова объекта резко запрокинулась назад и Бабичев рухнул на идущего рядом телохранителя, пачкая его костюм кровью.

Отстрелялся и уходи, таково правило. Или, во всяком случае, меняй боевую позицию. Но Степан никогда не лишал себя удовольствия понаблюдать за тем, что происходит после выстрела. Первое, что он замечал на лицах людей, так это невероятную растерянность. В глазах охраны так и читалось – еще мгновение назад он был рядом с ними, и теперь его более не существует. Страх приходил потом, когда люди начинали осознавать, что следующая пуля может быть предназначена для одного из них. Нутром чувствуя, что находятся во власти снайпера, они непроизвольно хотят сделаться меньше ростом. И они правы – стоит стрелку только захотеть, как они лягут у машины рядом со своим боссом. Но Юрьев старался избегать случайных жертв. По-другому это называется брак. А погрешностей в своей работе он старался не допускать.

Поставив винтовку в угол, Степан выглянул в окно. Почти в километре отсюда началась нешуточная суматоха. А внизу, на строительной площадке, царила рабочая обстановка. Двое мужчин перетаскивали металлические трубы и сваливали их под забор, где уже лежал всякий хлам. В другом конце двора крепкий низкорослый мужичок сваривал металлические прутья, и озорные зайчики ее вспышек разбежались по просторному двору.

Холод внутри растаял. В конечности возвращалось тепло, а еще через минуту Степан обрел себя прежнего. Глубоко вдохнув, он на несколько секунд задержал дыхание, чувствуя, как клетки заполняются кислородом. Все! Теперь можно идти.

Неторопливым шагом Сержант спустился по лестнице, стараясь придать всему своему облику полнейшее спокойствие. Он понимал, что маскарад этот удастся ему в полной мере. Сейчас Степан Юрьев напоминал обыкновенного рабочего, который считает минуты до окончания рабочего дня. На щеках двухдневная щетина, на лбу пыль. Вот отмерят часы положенный срок, тогда можно будет заглянуть в ближайший магазин, чтобы порадовать нутро доброй порцией пива.

Юрьев вышел во двор и размеренным вялым шагом поплелся к выходу. На него никто не обращал внимания, он был один из многих. Справа двое рабочих размешивали цемент, слева еще четверо укладывали кирпичи на носилки.

– Ты в контору? – раздался за спиной незнакомый голос.

Степан даже не сразу сообразил, что обращались именно к нему. Самое главное в его положении – это сохранить спокойное лицо.

– Да, а что? – повернулся Степан, оглядывая окликнувшего его человека.

– Скажи Михалычу, чтобы электродов привез, а то сегодня не успеем забор сварить.

– Хорошо, – уверенно пообещал Степан и пошел дальше.

Глава 7

НАЧАЛО ОХОТЫ

Слегка подтянув брюки на коленях, Чертанов присел. С минуту он рассматривал застывшее лицо покойного, словно хотел поместить увиденное в одну из ячеек памяти, после чего перевел взгляд на Шевцова, стоявшего рядом.

– Установили, откуда был произведен выстрел?

– Ищем, обшариваем все дома. Но у меня такое впечатление, что снайпер стрелял издалека.

– Логично.

Чертанов посмотрел в ту сторону, откуда предположительно был произведен выстрел. Его взгляд натолкнулся на ряд пятиэтажек, расположившихся по обе стороны узкой дороги. Даже если предположить, что снайпер стрелял с крыши здания, то вряд ли у пули могла быть такая траектория. Уж слишком невероятным получается угол попадания. Стрелок должен был расположиться где-то на большой высоте. Но подходящих зданий поблизости не было.

– Как ты думаешь, сколько метров до пожарной каланчи? – спросил Чертанов.

Лицо Вадима Шевцова недоуменно вытянулось:

– Ты думаешь, что он стрелял с нее? Да до нее не менее километра!

– То-то и оно, – печально вздохнул Чертанов. – Больше

неоткуда. Стрелял снайпер очень высокой квалификации, – он показал на аккуратное отверстие на верхней губе убитого. Кровь запеклась вокруг ранки, но ее было немного. Большая ее часть вытекла через выходное отверстие в затылке, да вот еще брызнула на костюмы охраны. И сейчас, совершенно потерянные, телохранители стояли в сторонке, наблюдая за процедурой осмотра.

У парней взгляды отрешенные, будто они лишились любимого родителя. Возможно, что так оно и было в действительности. По тому, с каким мастерством был исполнен выстрел, можно было сказать, что стрелял настоящий профессионал. Снайпер предвидел, как полетит пуля, в какой именно момент она столкнется с целью. И прекрасно понимал, что, угодив в продолговатый мозг, пуля повредит нервные соединения и объект умрет раньше, чем упадет на землю. Своим выстрелом снайпер как бы утверждал, что Бабичев был именно тот человек, который ему нужен.

– Я знаешь о чем подумал? – продолжил Михаил.

– Ну?

– А что, если это был Сержант?

– Сержант? – не сумел скрыть своего удивления Шевцов.

– Да.

– Но ведь ты же сам говорил, что видел его с простреленной грудью...

– Было дело, – согласился Михаил. – Но сейчас я сомневаюсь. А вдруг он сумел выжить! Здоровья Сержант был

медвежьего. Не исключено, что он как-то смог доползти до ближайшего населенного пункта, а там его переправили куда-нибудь в больницу да и прооперировали. Сейчас медицина просто творит чудеса!

– Надо как следует подумать.

– Да, я знаю. Ты пока никому не говори об этом. Это просто я так...

– Хорошо.

– Если это действительно Сержант, так он еще проявит себя.

Чертанов распрямылся. Дело обещало быть громким. Во-первых, личность самого убитого, все-таки не каждый день расстреливают олигархов. А во-вторых, как выяснилось в последние полчаса, Бабичев финансировал влиятельную партию. А уж политики мастера раздувать скандалы. Наверняка под убийство будут подкладывать политическую подоплеку.

На месте преступления народу было немного – основная толпа зевак набежит позже, а тех, что подошли сейчас, сдерживала узкая оранжевая ленточка, очертившая место убийства, да вот еще несколько милиционеров, стоявших в оцеплении. Из районной милиции здесь было только несколько оперов, прибыл представитель прокуратуры, но Чертанов знал, что скоро должно было подъехать высокое начальство.

Михаил отошел в сторонку и стал наблюдать за тем, как эксперт Балашин изучает тело убитого. Он настолько низко наклонился к его лицу, словно намеревался сделать про-

щальный поцелуй.

Неожиданно он выпрямился и окликнул техника-криминалиста:

– Принеси метр.

Тот, охотно кивнув, вытащил из небольшого кожаного кейса измерительную ленту. Чертанова всегда удивляла способность Балашина выжимать из места преступления максимум информации. Очень часто выводы эксперта отражали суть преступления. Что же будет на этот раз?

Ага, он собирается изучить пулевое ранение.

Метрах в двадцати пяти от места преступления топталось трое милиционеров – искали злополучную пулю. В счастливый случай почти не верилось. Но все-таки чем черт не шутит, а вдруг! Вот один из них наклонился, что-то поднял и едва ли не бегом направился к эксперту. Балашин одобрительно хмыкнул и дружески хлопнул его по плечу.

– Что ты об этом думаешь? – подошел Чертанов.

– Мне ясны две вещи, – отозвался эксперт, – первая, это то, что стрелял классный снайпер, если уж сумел поразить цель с такого расстояния...

– Расстояние было большим?

– Вне всякого сомнения! И второе, охота шла именно на Бабичева... Снайпер работал с оптикой, и у него было достаточно времени, чтобы изучить свою жертву в оптический прицел. А потом, с такого расстояния случайных людей не убивают, да еще к тому же бронебойными пулями! – он по-

бедно поднял деформированный кусочек металла.

– Давай пройдемся на каланчу, хочу кое-что уточнить.

* * *

Взобравшись на пожарную каланчу, Чертанов укрепился в своем мнении, что стрелял настоящий мастер. К окну был придвинут раскладной стол, на подоконнике мешок с песком. В центре мешок слегка примят, видно, для того, чтобы поудобнее было расположить винтовочную ложу. Но сам снайпер с улицы замечен не был, его скрывал царящий здесь полумрак. Была продумана каждая мелочь. А кроме того, помещение имело три выхода, и в случае возникшей опасности снайпер мог воспользоваться любым из них. А вот и винтовка, аккуратно приставлена к стене. Вряд ли стоило рассчитывать на отпечатки пальцев, но все-таки!

Михаил бережно поднял винтовку.

Действительно странно, что из этого оружия снайпер сумел поразить цель на расстоянии почти в девятьсот метров! Для подобных вещей подошла бы австрийская винтовка «SSG 69» или, к примеру, немецкая модель «Heckler-Koch 3S61». Австрияки и немцы понимали толк в оружии. Но снайпер стрелял именно из старой модели винтовки, а ведь для нее требуются более высокие профессиональные качества. Еще одно доказательство того, что стрелок был весьма и весьма незаурядным.

За свою жизнь Михаил Чертанов встречал только трех снайперов столь высокого уровня. Снайпер – это прежде всего комплекс человеческих качеств самого высокого достоинства. Кроме отменных физических данных, ему нужна мгновенная реакция, способность быстро и правильно принимать решения, а такое дано далеко не каждому. Вот хотя бы применительно к данному случаю: в распоряжении снайпера были всего лишь одна-две секунды, за которые нужно было не только произвести верные расчеты, определить расстояние до объекта, но и точно выстрелить. При этом снайпер учел расположение телохранителей, которые прикрывали босса своими телами, словно живыми щитами.

Внезапно Чертанова посетила неожиданная мысль: а что, если этот выстрел сделал один из его троих знакомцев? Ведь весьма способные ребята. Но он тут же отогнал ее.

Исключено!

Первый уже три года как пребывает в монастыре; второй за решеткой. А третий уже два года как лежит в могиле. Так что подобное предположение не больше чем абсурд. Впрочем, был еще четвертый...

Чертанов передернул затвор винтовки, проверил патронник. Пусто. Неужели он забрал патроны с собой или был столь самонадеян, что зарядил винтовку всего лишь одним патроном?

Михаил понюхал ствол. В носоглотку ударил кисловатый запах гари. Не такой уж и терпкий. Выстрел был один, со-

мневаться не приходится.

– Что скажешь? – спросил Шевцов у Чертанова.

– Думаю, что он еще заявит о себе.

* * *

Отношения с Верой разладились в один миг. Еще утром она не желала отпускать его на работу без поцелуя. А вечером, когда он явился домой, Вера вдруг заявила о том, что оставаться у него больше не намерена. Не отвечая на расспросы, девушка молча упаковала свою сумку и, покидая квартиру, вместо ответа швырнула на пол ворох фотографий. Подняв снимки, Михаил не стал более удерживать Веру. Да-а, тут было на что посмотреть. Сидя на стуле, он активно совокуплялся с какой-то темноволосой девицей. И главное, он никак не мог вспомнить, где это произошло, при каких обстоятельствах, и, что самое смешное, понятия не имел, что это была за девушка. Возможно, подобное случилось в один из мальчишников, когда не следовало отставать от заводных приятелей и требовалось показать, что ты еще способен на легкие шалости.

Вот, значит, как оно аукнулось...

Но кому это взбрела в голову мысль запечатлеть его шалости на фотопленку! Да к тому же подсовывать фотографии любимой! Видно, у этого человека имелись основания, чтобы ненавидеть его. Причем разрыв с Верой произошел в тот

самый момент, когда казалось, что они научились понимать друг друга даже без слов.

Однако унывал Чертанов недолго. Уже на следующий день он случайно, но очень кстати, познакомился на улице с девушкой, которую звали Валентина. И, судя по тому, как у них развивались отношения, Михаил был вправе рассчитывать на то, что вскоре исправит свои расстроенные чувства.

Михаил был убежден, что предстоящий вечер ему должен запомниться. Валентина согласилась поужинать с ним в ресторане. Пока это не победа, но все-таки! Хотелось верить, что топтание у ее порога делается достоянием истории. Нельзя сказать, что их отношения развиваются стремительно, но путь от ресторана до койки всегда очень короток. Конечно, не было гарантии, что ему сразу после ужина удастся отвести ее в свою холостяцкую квартиру, но попытаться стоило. Разумеется, никакого нажима, только любезная обходительность и улыбки. Предложение более близких отношений должно восприниматься как продолжение приятного вечера, и если он будет достаточно тактичен и обходителен, то вряд ли у Валентины найдутся аргументы для отказа.

Войдя в ресторан, Валентина сказала, улыбнувшись:
– Я здесь ни разу не была. Мне здесь очень нравится.

Чертанов преисполнился гордостью. Если бы она знала, сколько усилий пришлось ему предпринять, чтобы забронировать именно этот столик в углу ресторана, где во всю стену мерцал аквариум с вуалехвостами. При желании от лю-

бопытных глаз можно было закрыться ширмой. Все предусмотрено! Если события будут развиваться стремительно, то можно будет воспользоваться этим.

А ведь поначалу администратор встретил его просьбу с заметной прохладцей и после секундной паузы уверенно отказал, сославшись на нехватку обслуживающего персонала. Ясно, что внешний вид гостя его не впечатлил. Но причина отказа крылась в ином: Чертанову было известно, что за этим столиком обычно восстанавливают силы два авторитета из казанской группировки. Даже если они не придут в этот вечер, в любом случае столик всегда держали свободным, полагая, что авторитеты могут объявиться в любую минуту.

Михаил испытывал нешуточное желание взять администратора за нос и преподать ему пару уроков вежливости. И только официантки, что деловито сновали по залу, заставили его отказаться от подобного шага. Собственно, что с этого типа возьмешь? Наверняка из бывших халдеев, полжизни гнул спину перед именитыми гостями и, возможно, в администраторы выбился не без содействия той же самой «крыши», а потому лез из кожи, чтобы оправдать доверие. Пришлось показать ему удостоверение, чтобы внести ясность в дальнейшие отношения.

Можно было бы выбрать другой ресторан, но Валентина почему-то предпочла именно этот, а отказать девушке Чертанов не посмел. Чего копать в глубинах ее души? Может, за этим выбором прячется какая-то сердечная тайна.

Михаил бросил взгляд на соседние столики. За одним из них сидело четверо парней. Самому старшему не более двадцати пяти лет. По всем параметрам самый боевой возраст. По тому, как они поспешно отвели взгляд, Михаил догадался, что сохранить инкогнито ему не удалось и услужливый администратор уже шепнул им о неожиданном госте. Ничего страшного, как-нибудь переживете!

– Я рад, что тебе понравилось здесь, – улыбнулся Михаил, и его ладонь мягко коснулась тонких пальчиков девушки.

Вино было итальянским, и Чертанов возлагал на него большие надежды.

– Выпьешь еще?

Валентина одарила его кроткой улыбкой:

– Разве самую малость.

– Конечно. – И вино заплескалось в высоком фужере.

– Обо мне ты знаешь уже очень много, но ты почему-то никогда не рассказываешь о себе.

Сделав небольшой глоток, Михаил сказал:

– А чего тут рассказывать? Работаю в МЧС. Часто бываю в разъездах.

– И чем же ты там занимаешься? – весело спросила Валентина.

– Спасая! Неделю назад летал в горы. Несколько любителей экстрима взобрались на вершину, а спуститься не сумели. Пришлось снимать их с пика при помощи вертолета.

– Какой ужас!

Мобильный зазвонил в самый неподходящий момент. Михаил еще не знал, кто ему звонит, но интуитивно почувствовал, что вечер безнадежно испорчен и в холостяцкую квартиру он вернется в одиночестве.

– Да, – откинул он крышку телефона.

– Вот что, – услышал он голос полковника Крылова. – Немедленно бросай все и приезжай в отдел!

– Я сейчас нахожусь в ресторане с девушкой, – предпринял Чертанов робкую попытку отказаться. Все-таки Крылов сам мужик, должен понять.

– Послушай, – раздался в трубке грозный начальственный рык. – Если бы ты знал, откуда именно меня выдернули, то не стал бы вякать! В ювелирном магазине взяли заложников, необходима твоя помощь!

– Понял, – обреченно подчинился Чертанов. Положив телефон в карман, он с минуту рассматривал узор на тарелке, не желая показывать растерянность, после чего, собравшись с духом, сказал: – Знаешь, Валя, мне нужно срочно уходить. Ты можешь посидеть немного одна, здесь хорошая музыка...

Михаил не договорил, губы Валентины обиженно дернулись:

– И как ты себе это представляешь?

– Извини.

Валентина поднялась.

– Так ты меня даже не проводишь?

– Валя, у меня сейчас нет времени. В другой раз.

Девушка неприязненно передернула плечами и произнесла:

– Не думаю, что другой раз будет.

Взяв со спинки стула кофточку, она заторопилась к выходу. Первой реакцией Чертанова было броситься вслед удаляющейся девушке, но он усилием воли заставил себя остаться. Самое главное, не смотреть на ее ноги, на редкость безукоризненно стройные. Михаил отвел глаза и тут же натолкнулся на насмешливые взгляды парней, сидящих за соседним столом. Облом был полным!

Валя ушла. Чертанов почувствовал облегчение. Выждав еще несколько минут, Михаил бросил на стол деньги и заторопился к выходу.

Глава 8

НАЛЕТ

Микроавтобус остановился у дверей ювелирного магазина. Стрелки часов показывали пятнадцать минут седьмого. Инкассаторы должны подойти перед самым закрытием. Следовательно, в их распоряжении полчаса чистого времени. На всю операцию отводилось не более десяти минут, и каждый из четверки до последней мелочи знал объем своей работы. Накануне вечером они провели генеральную репетицию, выпотрошив небольшой продовольственный магазин на окраине Москвы. Все прошло без сучка и задоринки.

В двоих Егор Даничев, или просто Шатун, был уверен, как в самом себе. Старшего из них – Валеру, он знал уже без малого лет десять, а с Витьком сошелся лет пять назад. Компания была слаженной, сработанной. Десятки раз выбирались на дело, и за все это время ни одного существенного срыва. Но сегодняшний день был особенным, об этом знал каждый из них. А потому отрадно было, что сейчас ребята держались уверенно, даже с какой-то лихостью, и терпеливо ожидали команды.

Сомнения вызывал лишь четвертый – Жорик, девятнадцатилетний детина с литыми, как у тяжелоатлета, плечами. Ему бы в спортзале гири поднимать да гриф от штанги в узел скручивать, а он на дело увязался. Возможно, Егор и

нашел бы серьезный предлог, чтобы отшить его, но за парня подписался кореш, с которым он чалился три года в сучьем кичемане под Воркутой. Нахлебавшись вдоволь «красного» беспредела, они доверяли друг другу больше, чем родные братья. Жорик приходился корефану каким-то дальним родственником, и тот имел на него серьезные виды.

Вот теперь и предстояло посмотреть, насколько он будет хорош. Парень пытался напустить на себя лихость, но получалось это у него плохо. Его глазенки беспокойно бегали из стороны в сторону.

– Начали! – скомандовал Егор и натянул на себя маску.

Его примеру тотчас последовали остальные. Открыв дверь, Егор быстро вышел на улицу, зная, что за ним, дыша в спину, топают подельники. В этот ювелирный магазин он заходил не однажды, а потому даже с закрытыми глазами мог отыскать нужную витрину. Главное, не нервничать, и тогда все пройдет так, как задумывалось.

Шатун уверенно вошел в магазин, отметив, что народу здесь в этот час было немного. Отыскал взглядом охранника, который, почувствовав неладное, уже направился в его сторону. Егор, не тратя время на разговоры, вскинул руку с оружием и нажал на курок. Выстрела не было, просто негромкий выхлоп, и охранник, нелепо держась руками за горло, стал опускаться на пол.

Этот уже не боец, более Егора он не интересовал. Направив пистолет на перепуганную белокурую продавщицу, он

жестко объявил:

– Останешься живой, сучка, если будешь слушаться меня.

Будешь?!

Девушка, как заколдованная, остановившимися глазами смотрела на ствол пистолета.

– Будешь, тварь?!

Голова ее нервно дернулась:

– Да, да...

– Вот и славненько.

Негромко хлопнула дверь – последним в зал вошел Жорик. Его задача – запереть замки и следить за входом. К прилавку подошел Валера; вжикнув замком на сумке, он уверенно поставил ее на витрину и скомандовал:

– Открывай витрину!

Витек, худой и гибкий уркаган, держа пистолет наготове, наблюдал за перепуганными посетителями, сбившимися в угол. Можно не сомневаться, что в решающую минуту он не промахнется. Троицу связывали годы совместной работы, и за это время они научились понимать друг друга с одного взгляда. На сухом протокольном милицейском языке их отношения называются «устойчивая преступная группировка». Но казенный язык не выявит тех отношений, что связывали их на протяжении последних лет. После каждого удачного налета они выезжали всей компанией куда-нибудь на Канары, чтобы укрепить расшалившиеся нервишки. А кроме общего дела, совместного отдыха и моря выпитой водки,

их еще связывала целая толпа девок, которых они ради хохмы пускали по кругу. Кровными братьями их не назовешь, но уж молочными они были наверняка!

– Сейчас... сейчас, – лихорадочно повторяла продавщица, не в силах справиться с нервной дрожью. Ключ никак не желал попадать в замочную скважину.

– Дай сюда! – Егор свободной рукой вырвал связку ключей. И уверенно отомкнул сначала одну витрину, затем другую.

Валера, не теряя ни секунды и без особого почтения, уже складывал драгоценности в сумку. Иногда его рука останавливалась на какое-то мгновение, чтобы порадовать глаза крупным самоцветом, после чего уверенно опускалась в глубину сумки.

Все шло точно по намеченному плану. Первая витрина опустошена, теперь на очереди вторая. Шатун уверенно приподнял ее крышку. Взял в горсть несколько коле и золотые цепочки и, покачав их в воздухе, как бы оценивая на вес, швырнул в сумку. Через две минуты витрина была опустошена. Теперь – шкафы. Шатун знал, что именно в них находились наиболее ценные изделия.

– Где ключ от шкафов?

– У меня его нет, – отчаянно затрясла головой продавщица.

На какое-то мгновение взгляд Егора столкнулся с глазами Валеры. В них плескался самый настоящий восторг. Сумка

была заполнена почти на треть. Такого форта они не знали, по крайней мере, последние года полтора. Даже через маску было видно, как лицо Валеры расплывается в довольной улыбке. А может, повернуть к двери? Ведь того, что набрали, хватит на многие месяцы безбедной жизни. Но начатое полагалось доводить до конца. Таково правило.

– У кого, стерва, ну?! – прикрикнул Шатун, наставив на белокурую ствол пистолета. Ее следовало ломать сразу. Человек мыслит совсем иначе, если чувствует запах оружейного масла и гари.

– У заведующего.

– Где он, сука?! – зло прошипел Егор в ее побелевшее лицо. Палец уверенно лег на спусковой крючок.

Если бы ему сказали, что страх имеет свой неповторимый запах, то он бы ни за что не поверил этому. Но сейчас чувствовал, как запах страха наполняет помещение кисловатой затхлостью. Был момент, когда ему хотелось нажать на курок, но он остановил себя усилием воли.

Взгляд продавщицы на мгновение замер, а затем и острый подбородок решительно дернулся в сторону посетителей. Ясно. Заведующий среди них. Повернувшись, Егор посмотрел на сгрудившихся посетителей. Вот откуда исходило зловоние! Их было семь человек: четверо мужчин и три женщины. Самому старшему около шестидесяти лет, а младшей – не более двадцати. Они держались вместе, рука об руку. Кто они такие? Отец и дочь? Не похоже. Скорее всего, лю-

бовники. Старейший ловелас решил придать импульс угасающим чувствам в виде колечка с бриллиантом?

Остальные были люди среднего возраста. Уж эти-то заявились в ювелирный не случайно – главная их цель потратить деньги. И тут взгляд Егора остановился на плотном невысоком человеке с огромной лысиной, которая широкой полосой убегала куда-то на затылок. Прекрасный костюм будто отражал сияние выставленных на продажу бриллиантов. Их свет словно светился на лацканах пиджака. Лицо приветливое и одновременно недоверчивое. Он разительно отличался от всех, кто стоял с ним рядом.

Шатун сделал два шага и, протянув ладонь, потребовал:
– Ключи!

Людей такого рода он знал. Чтобы сломать их, совершенно не нужно давить на психику и угрожать. Ведь это всего лишь наемный служащий, и в глубине души он негодует на то скудное жалованье, что ему выдает хозяин. По его личному мнению, плата должна быть более значительной. И не в качестве премиальных где-нибудь в конце квартала, а в виде небольшого процентика, который бы бесперебойно капал на его личный счет. Каждый из них в глубине души мечтает, чтобы хозяина ограбили. Не насмерть, разумеется! А чтобы неприятность послужила хозяину-скупердюю хорошим уроком. Вот тогда он будет иначе относиться к своим людям.

Заведующий лихорадочно похлопал себя по карманам:
– Сейчас... Где же они...

В дверь раздался сдержанный стук. Егор обернулся и увидел у входа парня лет двадцати пяти в камуфляже, в руках он держал брезентовый мешок.

Инкассатор!

Тот не мог видеть людей, находящихся в помещении, – стекла в витринах магазина и в дверях были зеркальные, но зато люди, находящиеся внутри, могли рассмотреть каждый его жест. Парень вел себя беспечно. Оно и понятно, для него это был самый что ни на есть заурядный день. Наверняка инкассатором он работал не первый месяц, успел привыкнуть к ежедневной рутине. И чувство опасности уж если не атрофировалось, то заметно притупилось. Ему явно хотелось как можно быстрее отработать смену да вернуться к спортивным передачам и к бутылке пива. Да и выглядел он как-то сонно.

Сложив руки на груди, инкассатор терпеливо дожидался, когда ему наконец откроют.

А может, все-таки случайность?

– Кто это? – повернулся Шатун к заведующему.

Нежданный стук как будто бы добавил тому дополнительные силы, теперь его лицо выглядело куда более уверенным.

– Инкассаторы... Они всегда подъезжают в это время. Нужно открывать. Если вы не откроете, они тут же сообщат в диспетчерскую.

Егор обратил внимание на то, что ключи заведующий уже вытащил и теперь держал их в ладони, однако передавать не спешил. Весь его вид как бы говорил: а не пойти ли вам от-

сюда, господа налетчики... через черный ход!

Даже через маски было видно, что на лицах сообщников застыло смятение. Их взгляды были устремлены на Егора. Все, включая заложников, ждали от него какого-то гениального решения. А оно не приходило.

Особенно удрученным выглядел Жора. Его круглые глазенки бегали по углам помещения, как бы ища поддержки. Ему хотелось как можно дальше уйти от опасного места.

– Ключ! – спокойно потребовал Егор.

Заведующий протянул дрожащую руку со связкой ключей, и она, негромко звякнув, оказалась в ладони Шатуна.

Стук повторился. Инкассатор, стоящий за дверью, безмятежно почесал нос, не проявляя пока признаков нетерпения. Интересно, надолго ли его хватит?

– Что мне делать? – нервно спросил Жора.

– Стой, как стоял, – ответил Егор, направляясь к шкафу. – Да не бей ты копытами! – прикрикнул он в сердцах. – Пол проломишь!

Замок был несложный, его можно было бы вскрыть обычной отмычкой. Егора всегда удивляла эта черта ювелиров – держать драгоценности за копеечными запорами. Створки шкафа распахнулись. На полках в аккуратных коробках лежали кольца, браслеты, ограненные алмазы, некоторые из которых были величиной с крупный орех фундук.

Взгляд Даничева приковал огромный желтый бриллиант.

– Такой на аукционе стоит миллионы баксов, – услышал

он за спиной восторженный шепот Валеры.

Камень и вправду был хорош. Вобрав в себя свет, он полыхал изнутри всеми цветами радуги. Следовало бы захлопнуть коробочку да швырнуть драгоценность в темное нутро сумки, но, повинувшись какому-то совершенно необъяснимому внутреннему порыву, Шатун бережно взял камень двумя пальцами и поднес его к глазам. В середине камня замерцали огоньки. Обычно в темной комнате так светятся кошачьи глаза.

– Вы что там, не слышите, что ли? – раздался из-за двери раздраженный голос. – Открывай!

Егор швырнул бархатную коробочку в широко распахнутый зев сумки и, повернувшись к заведующему, сказал:

– Сейчас ты откроешь ему дверь и отдашь вырубку. Извинись перед ним за то, что пришлось держать его у двери, скажешь, что все в порядке, и чтобы улыбка у тебя была до ушей. Ты меня понял? – Шатун для убедительности помахал стволом перед носом заведующего.

– Да, – кивнул тот.

Валера уверенными движениями ссыпал в сумку драгоценности из шкафа. Бархатные коробочки неслышно падали в сумку, а их содержимое, мелко позвякивая, ласкало слух. Заведующий подошел к двери в тот самый момент, когда в сумку была брошена последняя коробочка. Дрожащими руками он справился с замком и слегка приоткрыл дверь.

– Ты что не открывал-то? – раздраженный инкассатор во-

шел в магазин, беспечно поглядывая по сторонам.

– Э-э, – протянул заведующий.

– Чего это ты, Алексеич? – удивленно спросил инкассатор. – Заболел, что ли?

По застывшему лицу парня Егор понял, что он уже разгадал, что здесь происходит, и теперь искал благовидный предлог, чтобы выйти из магазина.

– Понимаешь, я тут... это самое, – дрожащим голосом мямлил Алексеич.

– Если ты, конечно, себя плохо чувствуешь, тогда конечно... Я в другой раз зайду.

В словах инкассатора прозвучало заметное облегчение. Ключевая фраза была произнесена, теперь самое время разворачиваться и уходить. Вот только покидать магазин следовало поделикатнее, не подставлять же бандитам спину, ведь и пальнуть могут!

Шатуну стало немного не по себе. Инкассатор острым взглядом резал пространство, так смотреть может только человек, за плечами которого боевой опыт. Ноздри его раздувались, как у заправского жеребца, и Егор был уверен, что он сейчас пытается унюхать запах оружейного масла.

Но тут произошло непредвиденное.

Заведующий вдруг рванул дверь на себя и закричал писклявым срывающимся голосом:

– Беги, здесь бандиты!

Парень будто дожидался именно этого приказа. Присев,

он мгновенно выхватил из-за пояса «макаров» и направил его на Валеру.

– Никому не двигаться!

От прежнего сонливого увальня не осталось и следа. Шатун понимал, что перед ними боец, умеющий держать в руках оружие, мобильный, с тренированными рефлексами. Было ясно, что он выстрелит мгновенно, стоит только кому-то из них сделать неосторожный шаг.

Момент был упущен, нужно было стрелять сразу же, едва только инкассатор вошел в зал. А теперь... Каким-то немыслимым движением парень сумел уйти с линии огня, и теперь ствол «вальтера» смотрел на Шатуна. Егор прекрасно сознавал, что у него не будет времени, чтобы первым выстрелить в инкассатора, и он умрет, прежде чем сделает какое-то движение. Оставалось единственное – вступить в переговоры, потянуть время, усыпить бдительность, а там будет видно.

– Послушай, давай договоримся по-хорошему, – спокойным и нарочито тягучим голосом заговорил Шатун. – Ты нас не видел, мы тебя не знаем, а если хочешь, так мы можем и поделиться, – бодро заключил он.

Парень держал пистолет у корпуса, цепко контролируя каждое движение налетчиков.

– Стволы на пол! – жестко приказал он.

– Ну чего ты бузишь? – миролюбиво спросил Егор.

– Считаю до трех...

Через зеркальные витрины было видно, что инкассатор-

ская машина стоит на прежнем месте. Шатун понимал, что, если начнется стрельба, инкассатор останется в одиночестве. Другой, находящийся в машине, не имеет права идти на выручку, так как обязан охранять наличность. Единственное, что он может сделать, так это вызвать наряд милиции.

– Послушай, давай договоримся...

– Повторять не буду... Раз...

Жора, продолжавший стоять за спиной инкассатора, поднял руку повыше и стал прицеливался, чтобы сразить инкассатора наверняка. И допустил самую главную ошибку в своей жизни. Инкассатора не стоило брать на мушку, пистолет следовало мгновенно поднять и, не целясь, разрядить всю обойму. Каким-то немыслимым образом инкассатор почувствовал движение за своей спиной, тотчас развернувшись, глубоко присел и дважды выстрелил в Жору. Тот, широко раскинув руки, упал на витрину, подгребая под себя пустые коробки из-под украшений.

Другого момента может не быть!

Вскинув руку, Егор выстрелил. Пуля прошла совсем рядом с головой инкассатора и, угодив в бронированную дверь, отрекошетила в голову заведующего, вырывая из его затылка кусок кости. Поднялась стрельба, засвистели пули, крепко вгрызаясь в стены, расколоченную витрину, а инкассатор, словно волчок, вертелся по залу, сбивая прицел. Егор даже не понял, в какой именно момент он стрелял, просто стоявшие рядом Витек, а за ним Валера упали на пол. Егор с ужа-

сом понял, что если ничего не предпримет, то следующая пуля достанется ему. Отшатнувшись, он дернул за руку стоявшую рядом девушку и, прикрывшись ею, закричал:

– Стоять! Я убью ее!

Егор встретил взгляд совершенно спокойных глаз. Профессионал. Никакой суеты и паники. Парень выполнял привычную работу. Интересно, что же принудило его идти в инкассаторы? Деньги-то небольшие! Может быть, все дело в свободном времени? А может быть, он испытывает желание постоянно чувствовать у пояса тяжесть пистолета? Губы инкассатора дернулись. Чувствовалось, что он еще не настроился и готов был положить на пол еще парочку налетчиков.

Егор неприятно поразился собственному состоянию. Пистолет в его руке слегка дрожал, а мушкой он успел расцарапать девушке щеку, и теперь из неглубокой ранки на подбородок тонкой струйкой стекала кровь. Сумка с драгоценностями перевернулась, и из нее на пол золотой дорожкой высыпались украшения. Под ногой Даничева что-то хрустнуло. Наверняка какая-нибудь дорогостоящая побрякушка. Теперь не до нее!

– Я выхожу, – спокойно объявил инкассатор. Такое впечатление, что ко всему происходящему он не имеет никакого отношения. – Не пальни сдуру. А то умрешь!

Егора невольно поразил его голос. Он всецело соответствовал внешности этого парня. Холодный, как ключевая вода. Голос буквально бил по башке и был таким же опасным,

как и пистолет в крепкой ладони. Не упуская Егора из вида, он осторожно направился к выходу.

– Предупреждаю, если с ними что-то случится, то тебе не жить!

Дверь закрылась. Шатун тотчас отшвырнул от себя девушку и, подскочив к двери, щелкнул замком. Через стеклянную витрину он видел, как парень бежит к машине. Ковбой хренов! Оставил позади себя кучу трупов и даже не обернулся.

Шатун чертыхнулся, сходилили, значит, на дело! Валера лежал на полу раскинув руки. Правую ногу каким-то невероятным образом он подвернул под себя. Жаль парня. Жора валялся на боку, закинув голову, как будто в предсмертном прыжке хотел рассмотреть и запомнить своего убийцу. Вот только Витек лежал спокойно, вытянувшись во весь рост, словно хотел отдохнуть. И лишь залитая кровью грудь свидетельствовала о том, что он мертв.

Девушка, закрыв лицо руками, негромко плакала. А пожилой мужчина, приобняв ее за плечи, что-то шептал ей на ухо.

– Заткнись, сука! – закричал Егор, размахивая стволом. – Если не хочешь, чтобы я вышиб твои мозги.

Девушка мгновенно умолкла. Остальные заложники, сгрудившись, испуганно посматривали на Егора.

– Что, породнились? – зло проговорил Шатун. – Теперь вы друг друга до самой смерти не забудете!

– Что вы собираетесь делать с нами? – крикнула полная

женщина.

Еще каких-то несколько минут назад она походила на даму, привыкшую отдавать распоряжения. Наверняка заведует каким-нибудь магазином, привыкла веселым матерком подгонять ленивых грузчиков, а тут в несвойственной для нее роли выглядела совершенно потерянной.

– Чесалка, если будешь вякать не по делу, пристрелю, – равнодушно пообещал Егор.

Женщина, будто проглотив восклицание, открыла рот и с ужасом посмотрела на Егора. Угроза проняла ее до самого нутра. Больше вопросов не последовало. Мужчины избегали его взгляда и пристыженно смотрели в сторону. Слабый материал, сломленный. Это уже не бойцы. Егор с одного взгляда определил, что мужчины опасности не представляют. Это у себя на службе они хозяева, а здесь всего лишь овцы.

Егор сорвал маску с головы. Она пропиталась потом, хоть выжимай. Он невольно обратил внимание на то, с каким любопытством и одновременно с ужасом заложники изучали его.

Невольно хмыкнув, он спросил:

– Что, запоминаете? Думаете, что можете встретить? Ну-ну... Эй, ты! – махнул он мужчине лет тридцати пяти.

Тот мгновенно побледнел. Его кадык судорожно дернулся, а на лице застыла угодливая кривая улыбка.

– Это вы мне говорите? – ткнул он себя пальцем в грудь.

Шатуну не однажды приходилось наблюдать, что в опас-

ных ситуациях некоторые представители сильного пола вдруг начинают необыкновенно тупеть. А ведь где-нибудь в кругу приятелей, с кружкой пива в руках, они наверняка блещут остроумием. Егор не однажды успел убедиться в том, как легко довести человека до обильного поноса, достаточно направить на него ствол пистолета.

– Тебе, чертило. Живо ко мне!

Мужчина нетвердой походкой подошел к Шатуну, стараясь не смотреть на пистолет, направленный на него. Его ноздри слегка подрагивали – почувствовал запах оружия.

– А теперь давай думать.

Мужчина нервно улыбнулся, показав широкие белые зубы.

– О чем?

Самое неприятное было в том, что улыбка застыла на его лице будто маска. И она начинала не на шутку раздражать Егора.

– Хороший вопрос... О том, как мне выбраться отсюда живым и здоровым. Ты не возражаешь?

– Я, собственно...

– А ты, оказывается, классный парень! – обрадованно воскликнул Шатун. – Вижу, что мы с тобой поладим. Тебя как зовут?

– Владимир.

Через витрину магазина Егор увидел, что инкассаторский фургон уже отъехал. Понять их можно. У инкассаторов

жесткий график. К тому же свое начальство. Ну, постреляли немного в магазине, отвели душу, показали молодецкую удаль, да и поехали себе дальше. А то ведь с этим баловством можно из графика выпасть. Ковбои хреновы!

А вот и милиция подъехала.

– А теперь возьми веревку, Вовчик, – бросил Егор заложнику моток заранее приготовленной веревки, – и свяжи для начала вон того козла с бородкой... Да покрепче! А то ведь я могу разочароваться в тебе.

Глава 9

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

Чертанов не раз замечал, что снайпера и его жертву связывает какая-то нить. Ее невозможно увидеть, пощупать, но тем не менее она столь же объективна, как окружающее пространство с материальными предметами, как звезды на небе. Причем связь между снайпером и его жертвой куда сильнее, чем между охотником и зверем. А все потому, что в смертельное противоборство вступают два высших существа, наделенные интеллектом. И чем сильнее характеры каждой из сторон, тем острее выражена их борьба и тем явственнее нить, натянутая между ними.

Что же будет на этот раз?

С крыши пятиэтажного дома Чертанову был хорошо виден ювелирный магазин. Витрины его были зеркальные, а потому то, что происходило за ними, увидеть было невозможно. Но Михаил чувствовал, что стены магазина словно заряжены и вибрируют от сильного напряжения, выбрасывая в пространство негативную энергию.

Спокойно. Возбуждение к черту! Снайпер обязан быть холодным, как ледник. Чертанов постарался переключить свое внимание на что-то более нейтральное. Его заинтересовала девушка с золотистыми распущенными волосами, стоящая за ограждением. Молода, красива, а все туда же! И ей не тер-

пится взглянуть, чем же закончится заварушка у ювелирного магазина.

– Первый, готов? – услышал Михаил в наушниках голос руководителя группы подполковника Федосеева.

Чертанов мгновенно позабыл о девушке с золотистыми волосами, о милицейском оцеплении и все свое внимание обратил на входную дверь. Теперь он был охотник, вышедший на звериную тропу. Дремавшие рефлексy мгновенно активизировались и зывали к действию.

В Югославии он тоже был первым. Он всегда был первым, даже тогда, когда работал в составе группы. Как и сейчас. Слева от него метрах в тридцати расположился второй снайпер – Григорий Рябов. Молодой парень с веснушчатым лицом. А на каменном заборе, находившемся метрах в ста отсюда, затаился третий, Петр Звонарев, – угрюмый малоразговорчивый дядька лет сорока.

– Готов, – уверенно ответил Михаил, отыскав в прицеле створ двери.

Расстояние до цели – двести тридцать метров. Для снайперской винтовки сущий пустяк. С такого расстояния обычно не промахиваются. Это не боевая дистанция в километр, когда следует высчитывать как силу ветра, так и скорость передвижения объекта. На таком расстоянии у жертвы нет никаких шансов. По-другому такой выстрел следует назвать стрельбой в упор. Это все равно что палить в кабана, привязанного к дереву. Может, поэтому к нынешней своей рабо-

те Михаил относился с некоторой долей брезгливости. Тысяча метров – это именно та дистанция, где можно блеснуть профессионализмом. Только на ней можно почувствовать столкновение характеров.

– Сейчас в магазин пойдет Вадим Шевцов. Попробует уговорить грабителей сдаться...

– Не уверен, что ему это удастся, – усомнился Чертанов.

– И все-таки им нужно предоставить шанс. Если кто-то из заложников мертв, будем брать штурмом. Он не остановится на одном трупе. Будь готов!

– Понял, – ответил Чертанов, плотно прижав щеку к прикладу.

В соседнем здании на пятом этаже расположилось еще двое снайперов, вооруженных крупнокалиберными винтовками. Едва прозвучит команда, как бронебойная пуля в мелкие осколки разнесет зеркальное стекло, а когда пространство будет открыто, тогда в работу вступят остальные стрелки.

От группы мужчин в милицейской форме отделился один в элегантном темно-сером костюме. Чертанов навел на Шевцова оптический прицел и попытался рассмотреть его лицо, надеясь отыскать в нем хотя бы малейшие признаки нервозности или беспокойства. Однако, как он ни всматривался, не отыскал ровным счетом ничего. Не дрогнул ни один лицевой нерв.

Дверь слегка приоткрылась. Человека, находящегося

внутри помещения, невозможно было рассмотреть, был виден только ствол пистолета, направленный точно в грудь Вадиму. В какое-то мгновение Чертанов едва не поддался соблазну пальнуть в рукоять. Усилием воли он слегка отвел оптический прицел в сторону. Это армейский снайпер чаще всего работает в одиночку и волен самостоятельно принимать решения, а сейчас Чертанов всего лишь составная часть большой группы и обязан действовать по команде командира.

Присутствовал еще один сдерживающий фактор – не исключено, что в другой руке преступник сжимал еще один ствол, но уже направленный в голову заложника.

Шевцов что-то сказал невидимому собеседнику. После чего откинул полы пиджака, повернулся, видно демонстрируя, что явился без оружия. Дверь приоткрылась чуть шире, и он все тем же уверенным шагом перешагнул порог магазина.

– Внимание! – услышал Михаил голос начальника группы. – Готовность номер один... Если Шевцов не выйдет через семь минут, то в действие вступает план номер два.

– Готов, – отозвался Чертанов и посмотрел по сторонам.

Квартал был оцеплен. На перекрестке стояли два автобуса, а за ними в нервном ожидании выстаивал СОБР в защитной экипировке. Внимание привлек один боец, отойдя в сторонку, он незаметно вытащил из-за ворота крохотный крестик и поцеловал его. То, что невозможно увидеть на рассто-

янии вытянутой руки, легко рассмотреть в оптический прицел на расстоянии в несколько сот метров. А из-за фургонов, проявляя любопытство, выглядывали три человека.

Михаил посмотрел на часы, до контрольного времени оставалось две минуты. И тотчас раздался голос начальника группы.

– Шевцов не вышел... Готовность номер один. Через две минуты, после того как будет разбита витрина, вперед пойдет группа захвата.

Чертанов посмотрел на соборовцев. Выстроившись в боевой порядок, они терпеливо ожидали команды. Примерно одного роста, в одинаковой амуниции, парни напоминали однойцевых близнецов. Отыскав среди них парня с крестом, Михаил невольно улыбнулся. Тот, отгеснив товарищей, стоял в первой шеренге. Через опущенное забрало страха не рассмотреть, но по тому, как он дважды переступил с ноги на ногу, было заметно, что парень нервничает не на шутку.

Дверь магазина неожиданно широко распахнулась, и на тротуар вышел Шевцов. Не глядя по сторонам, он уверенно направился в сторону микроавтобуса. Юркнул в салон, и тотчас вжикнула, закрываясь, дверь.

– Штурма не будет, – почти торжественно оповестил начальник группы. – Преступник выйдет через пять минут.

Хм, что же ему помешало выйти сразу? А может, он решил сказать заложникам последнее «прости»? Ладно, подо-

ждем.

Дверь магазина распахнулась ровно через пять минут, и из нее, неловко шагая, вышло два человека. Первый шел немного впереди, это заложник. А вот второй, в черной маске и камуфляже, – грабитель.

– Первый, ты меня слышишь? – раздался в наушниках голос начальника группы.

– Слышу, – Чертанов навел винтовку на цель.

Что-то было не так, но что именно, Михаил не мог понять. Думай! На заложнике был темно-синий костюм в светлую полоску. Вещь дорогая и нарядная. Но пиджак сидел на нем как-то уж очень нескладно. И сам он, согнувшись едва ли не пополам, представлял унылое зрелище. Михаилу очень хотелось увидеть лицо заложника, прочитать в его глазах животный ужас, но тот, низко склонив голову, ничего не различал, кроме носков ботинок.

Грабитель и заложник крохотными шажками двигались в сторону микроавтобуса, за которым, сгрудившись в плотную толпу, стояли зеваки. Преступник, выглядывая на полкорпуса из-за заложника, представлял собой на удивление легкую мишень, выставив на обозрение снайпера с десятков уязвимых точек. Выбирай любую! Что-то здесь было не так. Очень смущала простота выстрела. Вот преступник что-то закричал, слегка размахивая пистолетом. Наверное, грозил, что убьет заложника.

– Первый, ты его видишь?

– Да, – отозвался Чертанов.

– Сними его! – приказал начальник группы.

Чертанов навел прицел на голову преступника. За то время, пока он находился в объективе, он мог устранить его не однажды, но какое-то внутреннее противоречие мешало Михаилу нажать на курок.

А может, перед ним отчаянный самоубийца, который хочет подойти как можно ближе к ограждению, чтобы потом взорвать оцепление оборонительной гранатой?

– Может, его ранить? – засомневался Чертанов.

– Его нужно убрать! – прозвучал категорический ответ с заметной ноткой раздражения. – В противном случае он может застрелить заложника.

– Хорошо. – Михаил понимал, что решение уже принято, что он всего лишь инструмент чужой воли.

Чертанов навел прицел на нижнюю часть черепа и легонько надавил на курок. Вот он, момент истины! Следует преодолеть совсем крохотное сопротивление, и винтовка изрыгнет из ствола рассерженную пулю.

– Чего ты медлишь? Давай! – почти крикнул руководитель группы.

В этот самый момент заложник слегка распрямылся, и на какое-то мгновение Михаилу удалось рассмотреть его глаза, в которых было все, кроме страха.

Фаланга указательного пальца уверенно легла на спусковой крючок. Крохотный ударник благословил пулю. Легкий

удар в плечо, и свинец получил свободу. Пуля вошла в головной мозг преступника, расплавив его. Вылетев через мозжечок, деформированный свинец потерял значительную часть скорости и ударился в угол здания, выбив кусок облицовочного кирпича.

Михаил не раз наблюдал за тем, как падает человек, сраженный в голову. Часто он становится мертвым еще до того, как коснется земли. Осколки пули и раздробленные кости черепа безжалостно разрывают мозговую ткань, перемещая ее. Периферическая нервная система мгновенно приходит в негодность, и тело становится парализованным еще до того, как коснется земли.

В этот раз Михаилу показалось, что падение тела было невероятно долгим. А ведь оно длилось какие-то мгновения. Просто голову бандита тряхнуло, а колени, не выдерживая тяжести, подломились. Он упал точнехонько на простреленный затылок.

– Молодец, – сдержанно прозвучал голос подполковника Федосеева. – Отстрелялся, как в тире!

Михаила не оставляло гнетущее ощущение. Вот только откуда оно взялось, если все сделано как полагается? Прежде подобного состояния он за собой не наблюдал. Может, это первый звонок и пришло время менять профессию?

– Это было несложно, – скупой отозвался Чертанов.

– Все, операция закончена! Спускайся вниз.

– Хорошо.

Мощная оптика многократно увеличила заложника. Его пиджак был безнадежно испорчен – на плечах и воротнике багровели капли крови. Испачканы были даже волосы. На какое-то мгновение заложник приподнял голову, и Чертанов увидел его злую усмешку. Следовало ожидать все, что угодно: страх, оцепенение, даже истерику. Но подобное выражение совершенно не укладывалось в ситуацию. Заложник медленно, не поднимая головы, направился к фургону.

– Ну, подними же голову! Ну, подними, – шептал Чертанов.

Через мощный оптический прицел Михаил видел его опущенные плечи, низко склоненную голову, руки, безвольно болтающиеся вдоль тела. Еще через секунду заложника окружила группа спецназа, и он, спрятавшись за широкими спинами парней, стал недоступен для наблюдения. Группа захвата из пяти человек, готовая ко всяким неожиданностям, ворвалась в магазин, громко хлопнув дверью.

С минуту к убитому никто не подходил. Он лежал, разбросав руки. Камуфляж его был залит кровью. Трудно было поверить, что какую-то минуту назад он представлял реальную угрозу. Живым не было до него дела. Стопроцентный мертвяк, и ничего более. Годится разве что для опознания.

Кто-то из собровцев подошел к убитому и приподнял шапочку-маску за краешек, чтобы рассмотреть лицо. Обыкновенное любопытство, и ничего более. Как солдат, Чертанов знал, что всегда интересно посмотреть в мертвые глаза вра-

га. При этом отчетливо представляешь, что он уже никогда тебе не навредит.

С минуту спецназовец рассматривал неподвижное лицо убитого. Нога у парня слегка отставлена в сторону, руки уперты в бока. Уж слишком жизнеутверждающе получается. Подобная демонстрация превосходства как-то раздражала. Поглядев, спецназовец лениво отошел, закинув автомат на плечо.

И тут Чертанов осознал, что именно ему не понравилось. На убитом были добротные кожаные ботинки. Такую обувь обычно надевают в театр, в ней ходят на престижную службу. Но она совсем не сочеталась с камуфляжной формой, в которую был одет налетчик. Память угодливо подкинула Михаилу картинку пятиминутной давности – преступника в камуфляжной форме, как-то странно озирающегося, и заложника, глядящего себе под ноги. Теперь Чертанов вспомнил, что у заложника были именно грубые ботинки армейского образца, которые никак не гармонировали с костюмом из дорогой ткани. Да и двигались они как-то очень странно, совершенно непонятно было, кто кого тащил.

– Задержите заложника! – крикнул Чертанов в микрофон. – Он и есть тот самый преступник.

– О чем ты? – раздался удивленный голос руководителя операции.

– На нем армейские ботинки! – настаивал Чертанов.

Через оптический прицел Михаил пытался отыскать за-

ложника среди группы спецназовцев, толпы зевак, сгрудившихся за ограждением. Но того нигде не было. В какой-то момент Михаилу даже показалось, что однажды фигура мелькнула между припаркованными автобусами, но рассмотреть как следует не удалось. Он словно растворился.

– Что? – с недоумением переспросил Федосеев.

– На нем армейские ботинки. Преступник переоделся в костюм заложника!

– Понятно... Задержите немедленно заложника! – услышал Михаил в наушниках тревожный голос начальника группы.

– Есть! – отозвался откуда-то издалека молодой голос.

Дверь магазина с грохотом распахнулась, и на улицу с плачем выбежала молодая женщина. Через оптический прицел Чертанов увидел, что она мгновенно стала центром внимания, приковав к себе взгляды стоящих за ограждением людей. Она остановилась за несколько шагов от убитого и, постояв с минуту, пошатываясь, приблизилась к трупку короткими робкими шагами. Постояв несколько секунд, женщина упала на колени перед убитым. Внутри у Чертанова что-то болезненно сжалось и несколько секунд не давало дышать. Следовало бы отвернуться, зачехлить винтовку и, забыв обо всем, спускаться с крыши. Он выполнял приказ и ко всему произошедшему не имеет никакого отношения! Ну, разве только самую малость... Но именно эта малость не позволяла ему отвести взгляд.

Вот женщина осторожно и как-то очень нежно погладила покойника по лицу, совсем не замечая, что руки ее при этом перемазались в крови. Ткнулась лицом в его грудь и беззвучно зарыдала.

Зрелище шокировало. Лица мужчин, стоявших неподалеку, мгновенно посуровели. К женщине подошли два милиционера и осторожно попытались поднять ее под руки. Но она, убитая горем, отчаянно сопротивлялась и не желала подниматься.

Смотреть дальше было невмоготу. Чертанов поднялся, взял винтовку и, зачехлив ее, пошел вниз.

Глава 10

РАЗБОР ПОЛЕТОВ

– Вот я и хочу у вас спросить, как этот мерзавец сумел обвести вокруг пальца вас всех? – с ледяным любопытством спросил полковник Кортнев. – Почему вы его не узнали? Ведь вы профессионалы! Упустили прямо из рук.

Его взгляд скользнул по Геннадию Васильевичу Крылову и остановился на майоре Чертанове. Вроде даже полковник как будто бы соперничал, голос проникновенный, с сочувствующими интонациями, такой может быть только у приятного и понимающего собеседника. Смущали лишь холодные глаза да служба, которую он представлял, – служба собственной безопасности. Не шутка! После подобного душевного разговора кому-то из присутствующих в личное дело впишут взыскание. А следовательно, на ближайшие полгода он становится пугалом для всего управления. Незавидная участь!

Людям из службы собственной безопасности совершенно не нужно кричать, чтобы наводить страх на коллег. Их и так боятся. Наоборот, очень часто они бывают доброжелательными, внешне любезными и строят беседу таким образом, словно хотят помочь человеку выпутаться из затруднительного положения. Вот только потом, после подобной «профилактической беседы», у некоторых сотрудников в личном деле появляется отметка о служебном несоответствии.

Чего же ожидать на этот раз?

Чертанов невольно поежился. Несмотря на внешнюю благожелательность, взгляд Кортнева был тяжел. Таким взглядом только гвозди по шляпку заколачивать. Даже разговор их происходил не в кабинете начальника отдела, где он по праву должностного лица мог учинить форменный разнос (никто бы и не пикнул!), а в комнате для совещаний. И разнос проходил не за длинным прямоугольным столом, что подразумевает некоторое противостояние, а за большим круглым, как бы подчеркивающим равноправие каждого из собеседников.

Ни дать ни взять – дружеская беседа!

И так уж получилось, что Михаил сидел как раз напротив полковника Кортнева и тот всякий раз смотрел на него, как будто вел диалог исключительно с ним.

– Позвольте мне сказать, – попросил подполковник Федосеев, руководивший операцией.

– Слушаю, подполковник, – совсем по-дружески подбодрил его Кортнев. Он даже улыбнулся краешками губ, дескать, чего же робеть, когда кругом свои!

Но каждому из сидящих за столом было известно, что Захар Степанович Кортнев, несмотря на внешнюю мягкость, слыл едва ли не одним из самых жестких людей в ведомстве. И нередко подобные беседы заканчиваются отстранением от должности. Вряд ли приходится рассчитывать на его милость в этот раз.

– Даже во время переговоров преступник не снимал с себя маску. Поэтому когда он вышел на улицу, то мы его просто не распознали. Кроме того...

Неожиданно Кортнев расхохотался:

– Вы меня удивляете, подполковник. Мы не можем знать всех преступников в лицо. Наша задача состоит в том, чтобы выявлять их среди добропорядочных граждан. Какие же вы специалисты, если из двух человек не могли определить, где заложник, а где преступник? – И опять в его голосе не прозвучало ни возмущения, ни угрозы, только одно непонимание. – Неужели вас не насторожило, как двигался заложник?

– Возможно, странность какая-то и была, – негромко продолжал Федосеев, – но она совершенно не бросалась в глаза. Мы видели, что один человек угрожает другому пистолетом, ведет его. Естественно, что он и есть преступник.

– А вы не могли предположить, что это всего лишь театр? Что обойма у этого, так сказать, «преступника» была пустой? И сам он все это время находился под прицелом у настоящего преступника.

– Признаюсь, у нас возникали кое-какие сомнения, – вмешался Чертанов. – Но разобраться в этом за одну минуту было крайне сложно. Тем более что заложник просил помощи, а преступник угрожал ему оружием.

Подполковник Федосеев негромко кашлянул:

– Похожие ситуации в нашей практике случались. Но уловить с одного взгляда, где настоящий преступник, всегда

непросто. Да и то, что он держал его на мушке, не бросалось в глаза. Это было установлено позже, в ходе следственного эксперимента. К тому же нервы у всех были на пределе...

– Они идут обнявшись, как два друга, и вам это странным не показалось. Послушайте, майор, – вновь заговорил полковник Кортнев мягким обволакивающим голосом, – государство платит вам деньги и доверяет жизни своих сограждан за то, чтобы вы с предельной четкостью сумели разобраться в самой сложной оперативной ситуации. Или, может быть, я не прав? – На этот раз его глаза колюче сощурились.

Высокое начальство неправым быть не может. Это аксиома!

– Вы, конечно, правы, но...

– Кто дал приказ на выстрел? – сурово спросил полковник Кортнев и тяжеловатым взглядом обвел всех сидящих за столом.

Для всех присутствующих стало ясно, что служебное расследование закончено. Оно было завершено еще до того, как они сели за стол. Полковнику Кортневу достаточно было прочитать служебные записки, чтобы получить представление о случившемся и сделать собственные выводы. А они, судя по его насупившемуся лицу, были неутешительными. Так что разговор за «круглым столом» был всего лишь формальностью. Полковнику интересно было взглянуть в глаза участникам операции, малость повытягивать из них жилы. Еще раз напомнить о том, что существует такое серьез-

ное подразделение, как «отдел внутреннего расследования». И, накрутив хвосты нерадивым, удалиться с чувством собственной значимости.

Полковник знал ответ на заданный им вопрос. Еще одна формальность, которую следовало соблюсти. Так сказать, дань протоколу.

Лоб подполковника Федосеева покрылся густой испариной, лицо побагровело. Кадык на жилистой шее судорожно дернулся. Опершись ладонями о стол, он неловко поднялся, и стул, царапнув ножками паркетный пол, отодвинулся в сторонку.

– Я, товарищ полковник, – уныло доложил Федосеев.

Захар Степанович внимательно посмотрел на подполковника, словно увидел его впервые.

– Да, – покачал головой полковник. – Петр Васильевич, вам известно о том, что за все произошедшее ответственность несете лично вы?

– Да.

– Вам доверили руководить группой. На кону находилась жизнь многих граждан... А вы не сумели справиться с поставленной задачей.

– Да, товарищ полковник, осознаю, – прохрипел Федосеев, не в силах оторвать взгляд от стола.

– Кому вы отдавали команду на выстрел?

Вновь прозвучал риторический вопрос, на который он заранее знал ответ. Светские приличия были соблюдены, те-

перь можно заняться обстоятельной поркой.

– Мне, товарищ полковник! – поднялся Чертанов.

– Да что вы все вскакиваете? – умело разыграл раздражение Кортнев. – Садитесь!

– Слушаюсь.

– Это случайно не ты, майор, застрелил того маньяка на башне? Он, кажется, убил двух человек? Какая же у него была фамилия?

Вопрос не случаен. Наверняка полковник успел познакомиться с его личным делом.

– Тимур Валеев. Только застрелил он не двух человек, а трех. Еще шестерых ранил.

– Значит, это был ты?

– Да, я.

– Где ты научился так владеть оружием?

– С малолетства. И дед и отец были охотниками.

– Понятно. А в армии кем был, снайпером?

– Так точно!

– Ты где-то воевал?

– Приходилось... Миротворческая миссия в Югославии. Трижды бывал в составе антитеррористической группы в Чечне.

– Вот оно как... Значит, за твоими плечами солидный боевой опыт. И сколько же попаданий?

– Сорок четыре, – уверенно доложил Чертанов.

– Хм... Как же ты ничего не заметил? Ведь ты же бывалый

человек, тем более охотник! Должен был подсказать опыт, обязана была сработать интуиция!

Чертанов хотел ответить, но его опередил Федосеев.

– Разрешите мне высказаться, товарищ полковник, – быстро сказал Федосеев.

– Что у тебя там?

– Дело в том, что ситуация действительно сложилась очень непростая, – взволнованно заговорил Петр Васильевич. – Честно говоря, я почувствовал, что-то здесь не так. А потому и отдал приказ майору Чертанову действовать в силу сложившихся обстоятельств и принимать решение самостоятельно. По инструкции снайпер может действовать самостоятельно, если жизни заложников угрожает опасность!

Чертанов почувствовал, как его шею и лицо заливают густая краска. Подполковник лгал. Причем открыто, безо всякого зазрения совести, честно глядя в глаза полковнику Кортневу. Михаил крепко сжал кулаки и попытался досчитать до десяти. Милиция полувоенная организация, а следовательно, любая фраза из уст начальника звучит чуть ли не откровением апостола. Единственное, что остается в этом случае, так это приложить ладонь к козырьку.

Полковник с удивлением посмотрел на Чертанова.

– Для меня это новость... Так это и было?

Кровь отхлынула от лица Чертанова. Все, следствие закончено! Вот, значит, в какую сторону гнул полковник. Стрелочник найден. Чертанов вдруг отчетливо осознал, что

все, что бы он ни говорил в эту минуту, будет направлено против него, и единственное, что он способен сделать в данной ситуации, так это достойно покинуть собрание.

– Мне нечего возразить.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина. Все смешались, и никто не находил слов.

Спас ситуацию Крылов.

– Чего ты на себя наговариваешь! Товарищ полковник, с этим делом нужно тщательно разобраться.

Кортнев развел руками:

– Вот мы и разобрались. Каждый должен сидеть на своем месте и хорошо представлять возможные последствия своих действий... Майор, еще раз задаю тебе вопрос, кто больше всех виноват в произошедшем убийстве?

– Я, товарищ полковник.

Кортнев выбил пальцами нервную дробь по столу и произнес:

– В благородство, значит, решил поиграть. Ну-ну... Ты хоть знаешь, кого подстрелил? – с укором спросил полковник Кортнев.

– Нет.

– Генерального директора объединения «Уральский самоцвет». Он приехал в Москву с женой. Собирался сделать ей дорогой подарок на десятилетие свадьбы. А на нем замыкаются многомиллионные контракты с зарубежными партнерами. Теперь они будут сорваны. Вот так! Расследование за-

кончено. Так что я вынужден буду подать на тебя рапорт.

– Разрешите идти?

– Хм... Чем ты сейчас занимаешься?

– Убийством Бабичева, – ответил за Чертанова полковник Крылов.

– Занимайся пока делом Бабичева и жди приказ на увольнение. А теперь свободен. У меня все! А ты, – неожиданно повернулся Кортнев к Федосееву, – выразишь соболезнование вдове.

Федосеев невольно сглотнул:

– Слушаюсь.

– Разумеется, это ее мало успокоит, но все-таки... Все свободны!

* * *

Начальником охраны у Бабичева был Федор Мережин, – сухощавый мужчина лет пятидесяти пяти. Глядя на него, казалось, что весь он состоит из туго перетянутых сухожилий. Несмотря на возраст, он был необыкновенно гибким и очень подвижным, как профессиональный гимнаст. Охотно верилось, что, даже перешагнув полувековой рубеж, он находится в прекрасной спортивной форме. Прежде чем пригласить его для беседы, Чертанов навел о нем справки и не был особенно удивлен, когда ему сообщили, что тот пятнадцать лет прослужил в девятом управлении. Именно таких

людей туда и набирают – резких, подвижных, необыкновенно подвижных, с отменной реакцией и совершенно неброских внешне. Мережин мог находиться как в первом эшелоне охраны, так и на подступах. Попробуй определи, что он за человек, – обыкновенный уличный зевака или профессионал, оснащенный разнообразными атрибутами. Дернешься не вовремя, вот он и вколет тебе в ляжку порцию какой-нибудь убойной химии. Никогда не знаешь, какую фигу такой профи держит в кармане.

Но сейчас Мережин выглядел неважно. Смерть Бабичева явно подкосила его, оставив на сухощавом лице следы усталости. Его можно было понять, ведь он лишился человека, который являлся гарантом его будущего и позволял вести жизнь, практически способную удовлетворить любые его запросы. Кроме того, на нем теперь клеймо человека, который не сумел обеспечить безопасность своего босса. И никакие, даже самые объективные аргументы уже не сумеют стереть эту отметку. Все, ты прокололся! Теперь тебе не доверят охранять даже детскую коляску. Горькая безысходность запечатлелась не только на его лице, осунувшемся за последние дни, но даже на фигуре, как-то поникшей и ссутулившейся.

– Последние два года вы были у Бабичева начальником службы безопасности, – Чертанов старался говорить ровно. Чего тут давить! Мужуку и так не сладко! – Вам по должности положено было знать о всех его передвижениях. Разве не

так?

Мережин слегка кивнул:

– Так.

– Тогда вопрос: не могли бы вы сказать, кто именно желал смерти Бабичева?

Лицо Мережина болезненно передернулось. Вопрос был закономерен, но меньше всего он готов был говорить именно об этом.

– Если бы вы спросили об этом года два назад, то я бы вам ответил. Сейчас таких людей нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.